СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXI, № 5.

ШЕСТНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

ИМЕНИ

А. С. ПУШКИНА

1905 ГОДА.

Отчетъ и рецензіи I—IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1906.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1906 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1905 года Ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ. . . . . 1—11

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. «*Лохвицкая М. А.* (Жиберъ): Стихотворенія, т. V, 1902–1904 гг. (Спб. 1904)». — Рецензія К. Р. . . . . 13—55

II. «Данте Алигьери, Божественная Комедія, въ новомъ стихотворномъ переводѣ *О. Н. Чюминой*. Изд. А. А. Каспари. (Спб. 1900–1902 гг., 6 выпусковъ)». — Рецензія Д. К. Петрова . . . . . 56—74

III. «Эдуардъ III. Историческая хроника въ 5-ти дѣйствіяхъ, приписываемая Шекспиру. Переводъ *В. С. Лихачева*». — Рецензія А. Н. Гилярова. . . . . 75—79

IV. «*Е. Милицына.* Разсказы. I (1905 г. Москва)». — Рецензія Н. П. Кондакова . . . . . 80—81

ШЕСТНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

имени А. С. Пушкина.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1905 года Предсѣдательствующимъ Отдѣленія русскаго языка и словесности и Разряда изящной словесности, Ординарнымъ академикомъ А. Н. Веселовскимъ.

На XVI-ое соисканіе премій имени А. С. Пушкина поступило всего *двадцать шесть* сочиненій. Въ это число входятъ: сборники оригинальныхъ, а также переводныхъ стихотвореній; романъ въ стихахъ; беллетристическія произведенія въ прозѣ, главнымъ образомъ, романы и повѣсти и нѣсколько стихотворныхъ переводовъ Данте, Шекспира, Шиллера, и кромѣ того нѣкоторыхъ славянскихъ поэтовъ.

Изъ числа этихъ сочиненій особо образованною, согласно § 11 Правилъ о присужденіи премій имени А. С. Пушкина, Комиссіею было *устранено* отъ участія въ конкурсѣ *одно* сочиненіе, какъ представленное въ рукописномъ видѣ и потому неудовлетворявшее § 9-му Правилъ о преміяхъ А. С. Пушкина. Затѣмъ были сняты съ конкурса еще *пять* сочиненій и отложены до слѣдующаго XVII-го соисканія, такъ какъ къ назначенному сроку не были получены отъ одного изъ г. рецензентовъ критическіе о нихъ отзывы. Сверхъ того и еще *шестнадцать*

сочиненій не были допущены къ конкурсу, какъ неотвѣчавшія вообще его условіямъ.

Въ занятіяхъ Комиссіи приняли участіе члены Отдѣленія, почетные академики Разряда изящной словесности, находившіеся въ это время въ Петербургѣ, а также особо приглашенный въ качествѣ рецензента приватъ-доцентъ здѣшняго университета Д. К. Петровъ.

Сужденію Комиссіи подлежали слѣдующіе литературные труды.

I.

Лохвицкая М. А. (Жиберъ): „Стихотворенія“, т. V. 1902—1904 гг. (Спб. 1904 г.).

Составить рецензію на сборникъ г-жи Лохвицкой (нынѣ покойной) принялъ на себя, по просьбѣ Отдѣленія и Разряда, почетный академикъ К. Р.

Г-жа Лохвицкая (Жиберъ) обладаетъ несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ. За 16 лѣтъ своей дѣятельности на поприщѣ искусства — (въ первомъ выпускѣ ея стихотвореній, появившемся въ печати въ 1896 году, есть піесы, помѣченныя еще 1889 годомъ) — она не разъ дарила насъ образчиками поэтическихъ вдохновеній, обнаруживавшими и умѣнье владѣть стихомъ, и самобытность, и изящество какъ мысли, такъ и формы, и образность; словомъ у г-жи Лохвицкой съ первыхъ же ея шаговъ нельзя было не признать истиннаго поэтическаго дара. Образцомъ можетъ служить «Призывъ», написанный 10 лѣтъ назадъ:

Полу-прозрачной легкой тѣнью
Ложится сумракъ голубой и т. д.

Часто слышались упреки г-жѣ Лохвицкой за односторонность ея поэтическаго настроенія и за почти исключительное преобладаніе въ немъ эротическаго направленія. Мы не можемъ поддержать этого укора, ибо намъ кажется, что обсуждать надлежитъ только то, что дано намъ писателемъ, и нельзя обвинять его за недостатокъ того, чего мы у него не находимъ. Вѣдь было-бы смѣшно порицать ландышъ за то, что онъ не пахнетъ розой.

Конечно, чѣмъ всеобъемлющѣе поэтъ, тѣмъ онъ значительнѣе; но не будемъ требовать отъ писателя, чтобы онъ писалъ напр. драмы, когда «божественный глаголъ» призываетъ его создавать только лирическія стихотворенія. Невольно приходитъ въ голову изреченіе: Son genre est petit, mais il est grand dans son genre.

Дарованіе г-жи Лохвицкой несомнѣнно развивалось и крѣпло, съ теченіемъ времени содержаніе ея пѣсенъ становилось разнообразнѣе, но, вѣроятно подъ вліяніемъ современнаго, такъ называемаго «декадентства», она какъ бы платила дань модному и едва-ли похвальному направленію выражаться неясно, подъчасъ непонятно, прибѣгая къ вычурности, искусственности, къ неожиданнымъ эпитетамъ, къ опредѣленіямъ рѣшительно неподходящимъ къ опредѣляемому и логически ему противорѣчащимъ. При недюжинномъ талантѣ г-жѣ М. А. Лохвицкой не доставало болѣе внимательной и строгой самооцѣнки. Въ стихотвореніи «Материнскій завѣтъ», обращенномъ къ ея сыну, есть совѣтъ: «Отъ вѣчныхъ звѣздъ лица не отврати». Этотъ совѣтъ вполнѣ приложимъ и къ самой г-жѣ Лохвицкой. Ея произведенія несомнѣнно стали-бы украшеніемъ нашей литературы, если бы она не касалась темъ, имѣющихъ мало общаго съ истинной поэзіей, не увлекалась выраженіями, противорѣчащими здравому смыслу, и не прибѣгала къ совершенно излишней при богатствѣ ея фантазіи вычурности и искусственности.

Но было-бы несправедливо изъ-за недостатковъ, какъ бы крупны они ни были, забывать о достоинствахъ ея поэзіи, и

эти достоинства несомнѣнны, а потому намъ кажется, что эти положительныя стороны творчества М. А. Лохвицкой заслуживаютъ почетнаго отзыва Императорской Академіи Наукъ.

II.

Чюмина О. Н. (Михайлова): „Божественная комедія. Поэма Данте Алигьери въ новомъ стихотворномъ переводѣ. Изданіе А. А. Каспари. (Спб. 1900 г. выпуски I— VI). (Приложеніе къ журналу „Родина", 1902 г. „Общеполезная библіотека" № 11).

Разсмотрѣніе упомянутаго труда было поручено приватъ-доценту здѣшняго университета Д. К. Петрову.

Трудности, съ которыми приходится бороться переводчику Божественной Комедіи, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы на нихъ стоило останавливаться Самая величина поэмы, ея стихосложеніе, значительно устарѣлый языкъ, запутанное содержаніе, перекрестная символика — все это дѣлаетъ Божественную Комедію пробнымъ камнемъ переводческаго дарованія. Кромѣ того переводчикъ долженъ быть не только поэтомъ, но и филологомъ, знатокомъ обширной литературы о Данте. Мы не думаемъ, чтобы всѣ эти условія въ равной степени совмѣщались въ г-жѣ Чюминой. Вступительная статья о Данте — необходимая часть всякой работы объ этомъ поэтѣ — у г-жи Чюминой далеко не соотвѣтствуетъ современному состоянію и требованіямъ дантологіи. Читатель не найдетъ въ ней ни генетическаго объясненія поэмы, ни яснаго представленія о жизни и всей литературной дѣятельности Данте. Въ переводѣ своемъ г-жа Чюмина не соблюдаетъ размѣра подлинника: въ ея передачѣ терцины замѣнены пяти- и шестистопнымъ ямбомъ съ риѳмами, но безъ опредѣленнаго порядка. Едва-ли такой видъ ямба можетъ считаться

обычнымъ въ нашей поэтической литературѣ, переводной и оригинальной, едва-ли соотвѣтствуетъ и духу русскаго языка. Во всякомъ случаѣ, не соблюдая стихотворнаго размѣра подлинника, г-жа Чюмина открываетъ свою работу неизбѣжнымъ и строгимъ нападеніямъ критики. Дѣйствительно, промаховъ въ ея переводѣ не мало. Прежде всего можно отмѣтить цѣлый рядъ некрасивыхъ стиховъ и вообще метрическихъ погрѣшностей; встрѣчаются недочеты и въ построеніи фразъ, недочеты синтактическаго характера и обороты, нарушающіе гармонію и величіе Дантовскаго стиля. Попадаются вульгарныя выраженія, едва-ли умѣстныя въ устахъ Данте, Виргилія или Беатриче. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Адъ V, 96.

Мнѣ въ томъ краю родиться рокъ судилъ.

Чистилище I, 67.

Ведомые сіявшимъ свыше свѣтомъ.

Чистилище XII, 65—66.

Виргилій шелъ опасной стороной
Надъ бездною, зіявшей глубиной.

Не менѣе крупнымъ недостаткомъ перевода г-жи Чюминой являются пропуски и сокращенія. Ихъ такъ много, что иногда невольно приходитъ въ голову, не сдѣланъ ли переводъ г-жи Чюминой не прямо съ итальянскаго подлинника, а съ какого-нибудь довольно отдаленнаго пересказа на третьемъ языкѣ. Напр. въ IV-ой пѣснѣ Чистилища такихъ произвольныхъ сокращеній текста—10; въ XX-ой—7; въ XXVI-ой—7; во II-ой Ада—цѣлыхъ 9 и т. д. Но, сокращая и урѣзывая текстъ, г-жа Чюмина не менѣе щедро прибавляетъ къ нему отдѣльныя слова и даже цѣлыя фразы. Подобнаго рода chevilles, иногда вовсе не подходящія къ тексту, безусловно портятъ переводъ, дѣлаютъ

сго водянистымъ, а подчасъ и вульгарнымъ; есть стихи, которымъ рѣшительно ничего не соотвѣтствуетъ въ подлинникѣ: напр. Чистилища II, 74; 79—80; Чистилища IV, 4—5 и т. д. Понятно, что при такихъ условіяхъ переводъ очень часто становится неточнымъ. Иногда это — неточности безобидныя, не нарушающія смысла; иногда, напротивъ, онѣ придаютъ поэмѣ Данте особый отпечатокъ, ослабляютъ ея строгое единство и гармонію. Напр. Чистилища XI, 76—78 стихи подлинника—

E videmi e conobbemi e chiamava
Tenendo gli occhi con fatica fisi
A me che tutto chin con loro andava

переданы

и я, вглядѣвшись ближе
Въ знакомыя, усталыя черты,
Узналъ ее.

Рѣчь идетъ о тѣни живописца Одеризи да Губбіо. У Данте, какъ и подобаетъ, активная роль при встрѣчѣ принадлежитъ Одеризи, который всматривается и узнаетъ поэта потому, что Данте идетъ съ опущенной головой (tutto chin andava). Г-жа Чюмина перемѣщаетъ роли, и получается необъяснимое противорѣчіе съ текстомъ. Подобнаго рода неточности, явно искажающія смыслъ подлинника, можно указать и въ другихъ мѣстахъ, напр. Чистилища III, 112 и слѣд.; послѣдній стихъ той же пѣсни и т. д. За неточностями слѣдуетъ невѣрный переводъ словъ, стиховъ и цѣлыхъ фразъ. Напр. Чистилища XXX, ст. 100-ый—

Ella pur ferma in su la detta coscia

т. е. она, стоя твердо на лѣвомъ краю колесницы; у г-жи Чюминой

Тутъ Беатриче, выступивъ впередъ.

Или еще, Ада VIII, 76—

Noi pur giugnemmo dentro all'alte fosse

т. е. мы дошли до глубокихъ рвовъ; у г-жи Чюминой—

Достигнувъ адскихъ вратъ.

Сокращая и растягивая текстъ Данте, иногда переводя его невѣрно или неточно, переводчица не можетъ, наконецъ, избѣгнуть и нѣкоторой неясности въ своей передачѣ. Укажемъ для примѣра Адъ VIII, 52 и слѣд.; Чистилище XXIV, 16—18 и т. д.

Отмѣтивъ существенные недостатки перевода г-жи Чюминой, вовсе не слѣдуетъ огульно осуждать ея работу. Какъ бы то ни было, передъ нами на лицо полный переводъ Божественной Комедіи..... И по справедливости въ данномъ случаѣ нужно сказать: est laudanda voluntas. Чтобы приняться за переводъ Божественной Комедіи и выполнить его, необходима благородная рѣшимость, огромное прилежаніе и любовь къ поэзіи. Нуженъ и литературный талантъ. Помѣряться съ такимъ гигантомъ, какъ Данте, и не одержать полной побѣды — это еще не позоръ, не пораженіе. Г-жа Чюмина даетъ во многихъ отношеніяхъ не точный образъ великаго поэта, но для лицъ, незнающихъ итальянскаго языка, она всетаки можетъ сыграть роль Вергилія въ лабиринтѣ Дантовой поэзіи. Въ ея передачѣ есть не мало мѣстъ, переведенныхъ и близко къ подлиннику, и изящно. Есть цѣлыя пѣсни, переданныя удовлетворительно, къ которымъ вышеизложенная критика не должна быть относима цѣликомъ. Таковы напр. пѣсни Рая XVIII, XIX, XX, XXI; Чистилища пѣснь XXVI и т. д.

Вотъ почему рецензетъ полагаетъ, что Академія поступитъ вполнѣ справедливо, признавъ работу г-жи Чюминой достойной почетнаго отзыва.

III.

Лихачевъ В. С.: Эдуардъ III, Историческая хроника въ 5-ти дѣйствіяхъ, приписываемая Шекспиру, съ предисловіемъ Р. И. Бойля (б. о. г. и м. печати) выпѣзка изъ изданія „Шекспиръ", т. V, стр. 289—330.

Оцѣнку этого труда принялъ на себя проф. А. Н. Гиляровъ.

«Эдуардъ Третій» произведеніе настолько безъискусственное и безхитростное, что его удовлетворительный переводъ былъ бы подъ силу и заурядному переводчику. Но г. Лихачевъ взялся за дѣло съ большимъ вниманіемъ и выполнилъ задачу превосходно. Наивный и балаганный характеръ подлинника воспроизведенъ переводомъ вполнѣ, такъ что переводъ при чтеніи оставляетъ совершенно такое же впечатлѣніе, какъ подлинникъ — лучшая похвала для перевода. Сдѣланъ онъ очень точно, часто слово въ слово и строка въ строку. Сколько-нибудь крупныхъ уклоненій не обнаруживаетъ даже кропотливое и придирчивое сличеніе съ оригиналомъ. Но и мелкихъ недочетовъ немного. Впрочемъ, если бы ихъ было и больше, имъ нельзя было бы придавать значенія, такъ какъ оригиналъ скуденъ художественными достоинствами, въ общемъ есть лишь реторическое упражненіе очень невзыскательнаго вкуса, а мѣстами (напр. д. I, сц. 1, ст. 111 сл.; д. II, сц. 2, ст. 432), даже простой наборъ едва связанныхъ между собою фразъ, и поэтому мелочныя отступленія при передачѣ подобнаго произведенія не могутъ замѣтно измѣнить его ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ. Тамъ, гдѣ въ подлинникѣ видно притязаніе на художественность, переводъ идетъ совершенно въ уровень съ оригиналомъ.

Никакой растянутости, столь частой въ русскихъ переводахъ, у г. Лихачева не замѣчается, а иногда, напротивъ, переводчикъ выражается короче, чѣмъ англійскій авторъ, такъ что въ пере-

водѣ порой строкъ меньше, чѣмъ въ подлинникѣ (напр. д. III, сц. 4, ст. 43—53, въ подлинникѣ 11 стиховъ, въ переводѣ—9).

Съ формальной стороны можно поставить въ укоръ переводчику тяжеловатый слогъ, но при простомъ содержаніи этотъ недостатокъ мало бросается въ глаза. Другой недостатокъ тотъ, что переводчикъ не всегда считаетъ нужнымъ подражать любимой затѣѣ автора заканчивать при случаѣ однимъ и тѣмъ же словомъ нѣсколько стиховъ подрядъ.

IV.

Милицына Е.: Разсказы (М. 1905).

Разсказы г-жи Милицыной разобраны были орд. акад. Н. П. Кондаковымъ.

«Деревенскія картинки», съ которыми выступила новая писательница въ «Русской Мысли», сразу заинтересовываютъ своею живою реальностью: пусть въ нихъ мы встрѣчаемъ зачастую и прикрашенность и нѣсколько слащавый тонъ всѣхъ народныхъ разсказовъ, сбивающихся на этнографическую рисовку, все же мы находимъ здѣсь любовное, внимательное погруженіе въ разные виды затяжнаго, безнадежнаго горя русской народной жизни. Правда, при всемъ искреннемъ желаніи автора, все это разнообразіе сводится къ типичнымъ, даже банальнымъ формамъ, почти опостылѣвшимъ въ нашей литературѣ. Ни искреннее чувство автора, ни серьезное отношеніе къ явленіямъ народной жизни не спасаютъ его отъ безплодной сантиментальности, отъ напряженнаго и слабаго лиризма. Слогъ разсказовъ простъ, безъ прикрасъ, мѣстами живъ и народенъ, но самыя темы стары и безнадежно нудны. Очевидно, очерки народной жизни стоятъ у насъ доселѣ на уровнѣ внѣшне-типичныхъ, декоративныхъ (или этнографическихъ) картинокъ, не видно новыхъ художественныхъ опытовъ, глубокихъ по рисовкѣ интимныхъ сторонъ

народной души. Правда, у г-жи Милицыной есть попытки заглянуть въ нее, но литературныя руководства, русскія и западныя, съ помощью которыхъ она пытается ее разгадать, построены на наблюденіяхъ, вынесенныхъ изъ интеллигентныхъ сферъ, и всѣ размышленія ослѣпшаго мужика, дѣвочки, лѣсника, мечты молодой бабы кажутся намъ искусственными. Еще слабѣе по содержанію очерки жизни уѣзднаго захолустья: здѣсь въ разсказахъ Милицыной выступаетъ обычная фельетонная манера со всѣми ея недостатками, преувеличеніями, банальными обобщеніями. Самый слогъ страдаетъ пріемами фельетона: *обыватель спитъ, чиновникъ пьетъ и играетъ въ карты* и пр.

Тѣмъ не менѣе, разсказы г-жи Милицыной, не выдаваясь особенно блестящими сторонами художественности, производятъ пріятное впечатлѣніе своею простотою, искренностью и свѣжестью чувства, которое выступаетъ всюду, гдѣ нѣтъ условной сантиментальности, нервнаго надрыва и другихъ пріемовъ новѣйшей литературы.

Въ виду этого было бы вполнѣ справедливымъ удостоить книгу разсказовъ г-жи Милицыной почетнаго отзыва Академіи.

Выслушавъ отзывы гг. рецензентовъ о сочиненіяхъ, допущенныхъ къ настоящему Пушкинскому конкурсу Комиссія не нашла возможнымъ присудить никому изъ соискателей полной преміи А. С. Пушкина (въ тысячу рублей). Въ виду этого ей подлежало рѣшить вопросъ: не заслуживаетъ ли кто-нибудь изъ соискателей половинной Пушкинской преміи, и, послѣ закрытой баллотировки шарами, обнаружилось, что большинствомъ голосовъ собраніе присудило по *половинной* Пушкинской преміи (въ пятьсотъ рублей каждая) двумъ соискательницамъ: 1) г-жѣ М. А. Лохвицкой (Жиберъ) за представленный ею сборникъ стихотворенія и драматическихъ произведеній въ стихахъ и 2) г-жѣ О. Н. Михайловой (Чюми-

ной) за стихотворный переводъ «Божественной Комедіи» Данте. Алигьери.

Комиссія особою баллотировкою нашла справедливымъ присудить почетные отзывы В. С. Лихачеву и г-жѣ Е. Милицыной.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности, желая выразить свою искреннюю признательность гг. рецензентамъ за исполненные ими по особому его порученію критическіе разборы допущенныхъ къ XVI-му соисканію премій имени А. С. Пушкина сочиненій, постановило выдать установленныя Пушкинскія золотыя медали гг. почетнымъ академикамъ: К. Р., А. А. Потѣхину, А. Ѳ. Кони, К. К. Арсеньеву, П. И. Вейнбергу и проф. Университета Св. Владимира въ Кіевѣ А. Н. Гилярову и приватъ-доценту здѣшняго университета Д. К. Петрову.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I—IV.

I.

I.

Лохвицкая, М. А. (Жиберъ): «*Стихотворенія*», *т. V.* 1902—1904 гг. (Спб., 1904 г.).

М. А. Лохвицкая (Жиберъ) уже не въ первый разъ представляетъ на соисканіе Пушкинской преміи свои произведенія. Нынѣ представленный сборникъ (Стихотворенія. Томъ V. 1902—1904 г. С.-Петербургъ, 1904 г.) разбитъ авторомъ на девять отдѣловъ: I, Пѣсни возрожденія; II, Вѣянія смерти; III, Любовь; IV, Баллады и фантазіи; V, Сонъ; VI, Средніе вѣка; VII, Наважденія; VIII, Небеса и IX, «In nomine Domini». Драма.

Г-жа Лохвицкая (Жиберъ) обладаетъ несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ. За 16 лѣтъ своей дѣятельности на поприщѣ искусства—(въ первомъ выпускѣ ея стихотвореній, появившемся въ печати въ 1896 году, есть піесы, помѣченныя еще 1889 годомъ)—она не разъ дарила насъ образчиками поэтическихъ вдохновеній, обнаруживавшими и умѣнье владѣть стихомъ, и самобытность, и изящество какъ мысли, такъ и формы, и образность; словомъ, у г-жи Лохвицкой съ первыхъ же ея шаговъ нельзя было не признать истиннаго поэтическаго дара. Какъ примѣръ приведемъ «Призывъ», написанный 10 лѣтъ назадъ:

Полупрозрачной легкой тѣнью
Ложится сумракъ голубой;—
Въ саду, подъ бѣлою сиренью,
Хочу я встрѣтиться съ тобой....

Тоска любви!... съ какою силой
Она сжимаетъ сердце мнѣ,
Когда не слышу голосъ милый
Въ ночной унылой тишинѣ!

Деревья дремлютъ.... небо ясно....
Приди! — я жду тебя одна....
О, посмотри, какъ ночь прекрасна,
Какъ упоительна весна!

Все полно нѣги сладострастья,
Неизъяснимой красоты....
И тихій вздохъ избытка счастья
Раскрылъ весенніе цвѣты.

Часто слышались упреки г-жѣ Лохвицкой за односторонность ея поэтическаго настроенія и за почти исключительное преобладаніе въ немъ эротическаго направленія. Мы не можемъ поддержать этого укора, ибо намъ кажется, что обсуждать надлежитъ только то, что дано намъ писателемъ и нельзя обвинять его за недостатокъ того, чего мы у него не находимъ. Вѣдь было бы смѣшно порицать ландышъ, за то, что онъ не пахнетъ розой.

Конечно, чѣмъ всеобъемлющѣе поэтъ, тѣмъ онъ значительнѣе; но не будемъ требовать отъ писателя, чтобы онъ писалъ напр. драмы, когда «божественный глаголъ» призываетъ его создавать только лирическія стихотворенія. Невольно приходитъ въ голову изреченіе: Son genre est petit, mais il est grand dans son genre.

Г-жа Лохвицкая еще во II-мъ томѣ своихъ стихотвореній (С.-Петербургъ, 1900 г.) даетъ отвѣтъ своимъ обвинителямъ въ одностороннемъ направленіи:

«Я не знаю, зачѣмъ упрекаютъ меня,
Что въ созданьяхъ моихъ слишкомъ много огня,
Что стремлюсь я навстрѣчу живому лучу
И навѣтамъ унынья внимать не хочу.

Что блещу я царицей въ нарядныхъ стихахъ,
Съ діадемой на пышныхъ моихъ волосахъ,
Что изъ риѳмъ я себѣ ожерелье плету,
Что пою я любовь, что пою красоту.

Но безсмертья я смертью своей не куплю
И для пѣсенъ я звонкія пѣсни люблю.
И безумью ничтожныхъ мечтаній моихъ
Не измѣнитъ мой жгучій, мой женственный стихъ.

Дарованіе г-жи Лохвицкой несомнѣнно развивается и крѣпнетъ; съ теченіемъ времени содержаніе ея пѣсенъ становится разнообразнѣе. Не можемъ не привесть въ доказательство нѣсколькихъ стихотвореній изъ томовъ, предшествовавшихъ теперь разбираемому нами.

* * *

Есть что-то грустное и въ розовомъ разсвѣтѣ,
И въ звукахъ смѣха, топущихъ вдали.
И кроется печаль въ роскошно-знойномъ лѣтѣ,
Въ уборѣ царственномъ земли.

И въ рокотъ соловья вторгаются рыданья,
Какъ скорбный стонъ надорванной струны.
Есть что-то грустное и въ радости свиданья,
И въ лучшихъ снахъ обманчивой весны. (II, стр. 19).

* * *

Если прихоти случайной
И мечтамъ преграды нѣтъ,—
Розой блѣдной, розой чайной
Воплоти меня, поэтъ!

Двухъ оттѣнковъ сочетанье
Звонкой риѳмой славословь:

Желтый — ревности страданье,
Нѣжно-розовый — любовь.

Вспомни блещушія слезы,
Полуночную росу,
Блѣдной розы, чайной розы
Сокровенную красу.

Тонкій, сладкій и пахучій
Ароматъ ея живой
Въ дивной музыкѣ соззвучій,
Въ строфахъ пламенныхъ воспой.

И освѣтитъ лучъ побѣдный
Вдохновенья твоего
Розы чайной, розы блѣдной
И тоску, и торжество. (II, стр. 57).

* * *

Поля, закатомъ позлащенныя
Уходятъ въ розовую даль.
Въ мои мечты неизреченныя
Вплелась вечерняя печаль.

Я вижу, тамъ, за гранью радостной,
Гдѣ краски дня сбѣгаютъ прочь,
На вечеръ ясный, вечеръ благостный
Глядитъ тоскующая ночь.

Но въ жизни тусклой и незначущей
Бываютъ царственные сны.
Они къ страдающей и плачущей
Слетятъ съ воздушной вышины.

Нашепчутъ райскія сказанія
Вѣтвямъ акацій и березъ
И выпьютъ въ медленномъ лобзаніи
Росу невыплаканныхъ слезъ. (III, стр. 39).

Цвѣты безсмертія.

Въ безсмертномъ царствѣ красоты,
Гдѣ вѣчно дышитъ утро раннее,
Взрастаютъ бѣлые цвѣты, —
Ихъ нѣтъ прекраснѣй и желаннѣе.

Два грифа кладъ свой сторожатъ,
Какъ древо жизни и познанія.
И недоступенъ тайный садъ,
И позабыты заклинанія.

Но чьи мечты какъ снѣгъ чисты,
Тотъ переступитъ кругъ таинственный.
Тамъ буду я. Тамъ будешъ ты,
О мой любимый, мой единственный!

Тебѣ, отмѣченный судьбой,
Цвѣты, безсмертіемъ взращенные.
И грифы лягутъ предъ тобой,
У ногъ твоихъ, порабощенные. (III, стр. 44).

Два голоса.

Порой въ таинственномъ молчаніи
Я слышу — спорятъ голоса.
Одинъ — весь трепетъ и желаніе —
Зоветъ: «Туда! Въ просторъ, въ сіяніе,
Гдѣ звѣздъ разсыпана роса!

— «Но здѣсь — весна благоуханная».
Твердитъ другой. «Взгляни сюда,
Какъ хороша страна желанная,
Страна цвѣтовъ обѣтованная,
Гдѣ спятъ библейскія стада».

«— Въ цвѣтахъ есть змѣи ядовитыя»,
Пророчитъ первый.... Берегись!

Для жертвъ падутъ стада убитыя;
Ищи ступени позабытыя
Въ безкровный храмъ, въ благую высь».

Но тихій ропотъ снова слышится:
«— Промчится вѣтеръ — и, шурша,
Коверъ душистый заколышется....
Не наглядится, не надышится
На вешній лугъ моя душа»!

«— За мной! Я дамъ вѣнецъ избранія!»
Звучитъ побѣдно властный зовъ.
«Что передъ нимъ весны дыханіе,
Земныхъ кадилъ благоуханіе
И ѳиміамъ твоихъ луговъ?

Съ прохладой вечера нежданною
Ихъ обовьетъ сырая тѣнь.
А тамъ, вверху, надъ мглой туманною,
Гремитъ «осанна» за «осанною»
И день, и ночь, — и ночь, и день»! (IV, стр. 89).

Приведенныхъ стихотвореній, полагаемъ, довольно, чтобы сказать, что мы имѣемъ дѣло съ истиннымъ поэтомъ, обладающимъ несомнѣннымъ вдохновеніемъ и искусствомъ мелодично излагать поэтическія мысли яркимъ образнымъ языкомъ, съ поэтомъ, въ совершенствѣ владѣющимъ гибкимъ и легкимъ стихомъ. Принимаясь за разборъ V-го тома г-жи Лохвицкой, мы поэтому должны приложить къ нему болѣе строгую мѣрку, хотя бы ради той вѣчной истины, что кому много дано, съ того больше и спросится.

Вѣроятно подъ вліяніемъ современнаго, такъ называемаго «декаденства», М. А. Лохвицкая какъ бы платитъ дань модному, но едва-ли похвальному, направленію выражаться неясно, подъчасъ непонятно, прибѣгая къ вычурности, искусственности, къ неожиданнымъ эпитетамъ, къ опредѣленіямъ рѣшительно непод-

ходящимъ къ опредѣляемому и логически ему противорѣчащимъ. И прежде встрѣчались у нея дѣланныя, даже нелѣпыя выраженія, въ родѣ: «Они (листья) съ нагихъ срывалися вѣтвей, кружилися и падали безшумно,— какъ сонъ.... какъ смерть» [1])... (какъ будто сонъ или смерть могутъ падать); или «лазурная трава» [2]); или «Я рвусь къ тебѣ невольно, но страсть въ груди давлю» [3]); или «туманъ свинцовый» [4]); или «смоль *эбеновыхъ* волосъ» [5]); или «Мечты не озарили счастьемъ грудь» [6]); или «Темный знакъ, прожженный поцѣлуемъ, я храню на мраморѣ груди» [7]); или «Рѣсницъ воскрилія» (?!) [8]); или «Рѣсницъ дремучихъ» (!!!) [9]).

Если въ разбираемомъ V-мъ томѣ подобныхъ неудачныхъ и смѣшныхъ выраженій встрѣчается значительно меньше, то, къ сожалѣнію, не можемъ не указать на цѣлыя стихотворенія, смыслъ которыхъ теменъ, неясенъ или даже вовсе непонятенъ.

II.

Въ «Пѣсняхъ возрожденія» на стр. 4-й помѣщены «Пловцы». Горѣлъ востокъ, когда направя противъ волнъ челнокъ, «они» плакали, вѣрили и пѣли; «ихъ» не страшилъ «неумолимый Рокъ». «Ихъ» бѣлый парусъ сверкалъ надъ тьмой вѣковъ; пловцы сплетали вѣнки небесныхъ розъ для жертвъ тупой и озвѣрѣлой толпы, а на кормѣ спокойно спалъ Христосъ. Но вотъ, бушующія сферы гудятъ, святая красота звѣздъ сокрылась и пловцы съ тоской забытой вѣры смотрятъ на кроткій ликъ уснувшаго Христа.

Мы нарочно передали прозой содержаніе этого стихотворенія, сохранивъ его дословно, въ надеждѣ, что оно станетъ яснѣе, чѣмъ изложенное въ стихотворной формѣ; и всетаки рѣшительно отказываемся разгадать смыслъ этой аллегоріи, предоставляя ея разъясненіе болѣе чуткимъ критикамъ.

Мистической дымкой подернуто и слѣдующее стихотвореніе:

---

1) 1, 20. 2) 1, 22. 3) 1, 24. 4) 1, 41. 5) 1, 66. 6) 1, 160. 7) 11, 50. 8) 111, 18. 9) 111, 85.

Крестъ.

Люблю я солнца красоту
И музы эллинской созданія.
Но поклоняюсь я Кресту,
Кресту, какъ символу страданія.

Что значитъ рознь временъ и мѣстъ? —
Мы всѣ сольемся въ безконечности;
Одинъ — во мракѣ черной вѣчности —
Простертъ надъ нами скорбный Крестъ.

Вычурностью и дѣланностью отличается стихотвореніе: «Мой тайный міръ — ристалище созвучій». Оно не даромъ вызвало злую пародію г. Буренина. И въ самомъ дѣлѣ, не есть ли звучный наборъ словъ, правда изысканныхъ, яркихъ и красивыхъ, это нагроможденіе уподобленій, сравненій и смѣлыхъ до дерзости образовъ:

Мой тайный міръ — *ристалище созвучій (?)*
На высотахъ свободной красоты.
Гудитъ ихъ споръ, то властный и могучій,
То — чуть звенящій, сладостно пѣвучій,
То — какъ *щиты, что бьются о щиты. (?)*

Мои мечты — лучистыя видѣнья,
Стряхнувшія земной тяжелый прахъ.
Какъ *виміамъ небеснаго кажденья — (?)*
Онѣ парятъ къ *вершинамъ возрожденья (?!)*
На розовыхъ и голубыхъ крылахъ.

Моя душа — живое отраженье
О небесахъ тоскующей земли.
Въ ней — *яркихъ звѣздъ лучистыя вторженья (?!)*
Въ ней — чистыхъ жертвъ благія всесожженья,
Въ ней — лавръ и миртъ побѣдно расцвѣли.

Мечты занесли г-жу Лохвицкую «на розовыхъ и голубыхъ крылахъ» въ такія сферы, гдѣ должно быть можно обойтись безъ здраваго смысла.

Въ слѣд. стихотвореніи «Святое пламя» (стр. 7) розовыя и голубыя крылья замѣнены «лазурнымъ осѣненіемъ» голубаго крыла «Великаго духа», наказующаго поправшихъ Его, но живого и могучаго для М. А. Лохвицкой; Онъ съ нею «всегда и понынѣ» и она восклицаетъ въ заключеніе:

Безсмертную душу несу я
Какъ пламя святого огня!

На стр. 8-й г-жа Лохвицкая уподобляетъ свою душу уже не пламени святого огня, а «вѣчной странницѣ», неустанной въ своихъ исканіяхъ», «чужестранной» (?!) для суетныхъ душъ и «избранницѣ» для избранныхъ Духа. «Взметнувшись, померкли въ безсиліи полночные сны и видѣнія. Свѣтлы непорочныя лиліи въ садахъ моего возрожденія» продолжаетъ г-жа Лохвицкая, питающая особое пристрастіе къ лиліямъ; онѣ встрѣчаются въ ея стихотвореніяхъ весьма часто. Какъ созвучіе жизни и смерти, ей снятся совершенные пути (?). Ее превозносятъ могучіе и ненавидятъ презрѣнные. Не придаетъ-ли себѣ авторъ какого-то особаго, таинственнаго значенія? Это можно заключить и изъ слѣд. піесы (стр. 9) гдѣ, обращаясь «къ нему», она утверждаетъ, что узнавъ ее, онъ сталъ весь иной, что его земной путь зажженъ зарей небеснаго огня, что съ его духовныхъ глазъ упала пелена и онъ сталъ душою тихъ какъ вечеръ и свободенъ какъ волна; онъ постигъ міръ поэзіи, тоска его стала легка, а «нѣмая даль» яснѣй; онъ вспомнилъ прошлые вѣка, видѣнья давнихъ дней и позналъ «что мы воскреснемъ вновь». И всѣми этими откровеніями «онъ» обязанъ тому, что узналъ г-жу Лохвицкую.

Но недочеты, искусственность и туманность Пѣсенъ возрожденія вполнѣ искупаются послѣднимъ стихотвореніемъ этого отдѣла (стр. 10).

Материнскій завѣтъ.

(Моему сыну Евгенію)

Дитя мое, грядущее туманно,
Но все въ тебѣ, отъ самыхъ юныхъ лѣтъ,
Неодолимо, властно, непрестанно
Мнѣ говоритъ, что будешь ты — поэтъ.

Дитя мое, узка моя дорога,
Но предъ тобой свободный ляжетъ путь.
Иди, иди въ сады живого Бога
Отъ аромата вѣчнаго вдохнуть.

Тамъ, высоко, на дѣвственной вершинѣ,
Гдѣ, чуть дымясь, почили облака,
Растетъ цвѣтокъ, нетронутый донынѣ,
Взыскуемый, какъ въ прежніе вѣка.

Пусть говорятъ, что путь твой — путь безумныхъ,
Отъ вѣчныхъ звѣздъ лица не отврати.
Для пестрой лжи усладъ и оргій шумныхъ
Не отступай отъ гордаго пути.

Пусть говорятъ, что сны твои обманны.
Дитя мое, и жизнь, и смерть — обманъ.
Иди, иди въ лазурные туманы!
За нимъ, за нимъ, цвѣткомъ небесныхъ странъ!

Найдешь его — и узришь міръ безбрежный
У ногъ своихъ! — Но помни и внемли:
Тогда, мой сынъ, сойдя съ вершины снѣжной,
Неси твой даръ въ святую скорбь земли.

Сколько чистой поэзіи въ этомъ прекрасномъ, прочувствованномъ, искреннемъ стихотвореніи. Какъ слышится въ немъ любовь и гордость матери, какъ глубоко и сильно звучитъ въ немъ Excelsior, слово начертанное на знамени путника у Лонгфеллоу.

III.

Изъ шести піесъ, вошедшихъ въ отдѣлъ «Вѣянія смерти» на четырехъ лежитъ печать неопредѣленности и какого-то тумана, придающая имъ характеръ лихорадочнаго и безсмысленнаго бреда; піеса Красный цвѣтъ — написана въ духѣ декаденства и только одно стихотвореніе — Цвѣтокъ на могилу — представляетъ собою дѣйствительно поэтическое произведеніе.

Начнемъ съ первыхъ. Въ стихотвореніи Крылья, поэтесса, зная, что міръ жестокъ и тѣсенъ, что жизнь скучна и зла, плететъ вѣнки изъ майскихъ пѣсенъ и вознесла свой замокъ выше тучъ. Постараемся послѣдовать за нею туда. Мы застаемъ ее одну, королевой; мечты служатъ ей, какъ пажи. Она дышитъ безъ горечи и гнѣва и оградила себя отъ зависти и лжи. Власти поэтессы-королевы покорны сонмы сновъ; лишь одинъ, непокоренный, каждою весною лепечетъ ей о какомъ-то необъятномъ счастьи. Въ этомъ снѣ — и королева восклицаетъ: «О радость, о забвенье! — юный смѣхъ невозвратимыхъ лѣтъ», «взмахи крылій, царственный разсвѣтъ» и, что замѣчательнѣе всего — «тайныхъ струнъ *сверкающее* пѣнье». И королева молитъ этотъ удивительный сонъ, свой лучшій, свой единый сонъ, научить ее сжиться съ темной жизнью (отъ которой, насколько мы поняли, поэтесса успѣла уже удалиться въ свой заоблачный замокъ). Ей хочется не слышать лебединый шорохъ и забыть могучіе лучи.

«Все что бренно — гаснетъ быстротечно», справедливо разсуждаетъ королева «догоритъ земное бытіе»; лишь въ свой сонъ вѣритъ она вѣчно, вѣчно, «какъ душа въ безсмертіе свое». И въ отвѣтъ слышитъ она тихій шопотъ падающихъ ницъ (!) листьевъ: «Ты — земля.... и возвратишься въ землю». И королева заключаетъ неожиданнымъ восклицаніемъ: «О заря!... О крылья бѣлыхъ птицъ»!

Поймутъ-ли читатели смыслъ этого стихотворенія, переданнаго нами прозой, но безъ отступленій отъ подлинника?

Въ слѣд. стихотвореніи (стр. 17) г-жа Лохвицкая служ-

даетъ по дикимъ уступамъ невѣдомыхъ скалъ; осенняя буря несется надъ моремъ, «вздымая пучины съ глубокаго дна». Г-жа Лохвицкая ищетъ — напрасно: все пусто, все мертво; зоветъ — ей вѣтеръ рыдаетъ въ отвѣтъ. Эти обстоятельства приводятъ ее къ такому заключенію:

Есть радость для сердца, для взора — улыбка,
Но души — какъ звѣзды отъ звѣздъ далеки.
О, Боже, создавшій и небо, и землю,
И гордую силу свободныхъ стихій,
Зачѣмъ мы такъ слабы, зачѣмъ одиноки
Предъ мракомъ безвѣстнымъ грядущаго дня?

Едва-ли оправдываются подобныя, не отличающіяся глубокомысліемъ, размышленія, блужданіемъ по прибрежнымъ скаламъ въ осеннюю бурю и исканіемъ и призываніемъ неизвѣстно кого и для чего. И почему включена эта безсодержательная піеса въ отдѣлъ Вѣяній смерти?

Далѣе опять появляются излюбленныя лиліи. Авторъ говоритъ во множественномъ числѣ:

Мы насаждали миртъ и лиліи —
И возрасли.... волчцы и терніе.

Такіе неудачные всходы приводятъ автора къ мысли:

Что можемъ мы въ своемъ безсиліи?
Чья грусть больнѣе и безмѣрнѣе?

Въ слѣдующей строфѣ есть странное и даже нескромное признаніе:

Въ любовь мы вѣрили какъ въ генія
И предавались....

чему, какъ вы думаете, читатель? Навѣрно не отгадаете;

И предавались.... любострастію.

Пожалуй, лучше было бы умолчать объ этомъ.

Въ стихотвореніи «Спящая» поэтесса говоритъ, что спитъ—не умерла — въ гробу изъ чистаго стекла въ вѣнкахъ изъ бѣлыхъ розъ, подъ шопотъ березъ и кленовъ. Цвѣты свѣжи, покровъ свѣтелъ и красивъ. Совершенно по женски спящая видитъ «сквозь тѣнь (?) полузакрытыхъ вѣждъ» блескъ своего наряда. Но не только этотъ нарядъ видитъ она, но видитъ и море, и лѣсъ, и закатъ, и луну, яркій серпъ которой струитъ сказочные сны. На спящей печать заклятія, чтобы не думать, не желать и забыть, что есть борьба, жизнь и вражда. Въ гробу дышится легко, день за днемъ проходятъ сказкой и сны всегда полны (?), всегда ясны. Но печать заклятія видно не помогла и спящая не настолько забыла жизнь, чтобы не увидать какъ спѣшитъ къ ней прекрасный женихъ въ одеждѣ странника и съ золотой арфой. У жениха блѣдное сіяніе вокругъ чела и черныя крылья. Онъ простираетъ руку и властно повелѣваетъ: Возстань! — Мы не знаемъ, повинуется ли ему спящая. Она жаждетъ, вѣритъ, ждетъ разгадки бытія, спитъ, мыслитъ; она одна и на шумъ вѣтвей, на щебетъ птицъ не дрогнетъ тѣнь ея рѣсницъ. Гудитъ пчела, да гдѣ то бьетъ, поетъ какая-то вода, журчитъ, звенитъ: «всегда, всегда».

Читатель, «поймешь ли ты?»

Стихотвореніе «Красный цвѣтъ» мы назвали декадентскимъ, ибо въ немъ авторъ прибѣгаетъ къ излюбленному новѣйшими стихотворцами пріему отождествлять извѣстный цвѣтъ съ извѣстными понятіями. Этотъ пріемъ, поддающійся чувству, всегда субъективному, не повинуется разуму и потому едва-ли можетъ быть имъ оправданъ.

Г-жа Лохвицкая ненавидитъ красный цвѣтъ; это дѣло вкуса. Красный цвѣтъ можетъ быть ненавистенъ ей, какъ напоминающій кровь; пожалуй въ немъ блескъ дымящихся гвоздей и палачей нарядъ, въ немъ пытка, въ немъ мечи и кровь, текущая во слѣдъ. Но почему въ немъ звуки трубъ? Почему въ немъ вѣнцы побѣдъ? Почему онъ проклятъ?

Но вотъ прекрасное стихотвореніе, на которомъ отдыхаетъ

эстетическое чувство послѣ выше приведенныхъ бредней и жеманнаго ломанья.

Цвѣтокъ на могилу.

(Памяти дорогой сестры Ольги Р***)

Ты была безропотно покорна,
Ты умѣла вѣрить и любить,
Дни твои — жемчужинъ бѣлыхъ зерна,
Низанныхъ на золотую нить.

Ты была нетронутой и ясной,
Какъ душа хрустальная твоя.
Вѣчный миръ душѣ твоей прекрасной,
Отстрадавшей муки бытія.

Въ свѣтлый рай, въ блаженное веселье
Предъ тобой откроются врата, —
Да войдешь въ безцѣнномъ ожерельѣ,
Какъ свѣча пасхальная чиста!

IV.

Отдѣлъ Любовь начинается опять загадочно-тусклой піесой «На жизнь и вѣчность полюбя». Поэтесса обращается въ немъ къ тому, кому отдала себя на блаженства и страданья. Ею пройдены «пустыни ожиданія»; въ разлукахъ и въ радости общенія «чѣмъ больше жертвъ, чѣмъ больше мукъ, тѣмъ выше подвигъ отреченія». Слова неясныя; тщетно силишься угадать ихъ смыслъ. Но заключеніе еще менѣе понятно: откуда то является «дымящій жертвенникъ»; онъ погасъ. Не этотъ ли дымъ и застилаетъ какъ передъ читателемъ, такъ и передъ самимъ авторомъ значеніе того, что онъ хотѣлъ выразить. Послѣднія строки не разсѣиваютъ этого дыма:

Огня мы жаждали нетлѣннаго, —
И нѣкій Духъ коснулся насъ,
Какъ дуновенье Совершеннаго.

Въ поискахъ новыхъ путей, въ боязни избитыхъ выраженій сказывается стремленіе всякаго поэта создать что-либо свое, никѣмъ еще не сказанное. И нельзя не привѣтствовать поэта, когда ему удается найти свѣжую, нетропутую мысль и произнести новое, мѣткое слово. Въ стихотвореніи «Въ разлукѣ» г-жа Лохвицкая, обращаясь къ любимому человѣку, называетъ его «Мой далекій, мой близкій», повторяя это обращеніе четыре раза. Какъ ни ново, какъ ни необычно такое обращеніе, оно нѣсколько озадачиваетъ. И въ этомъ стихотвореніи встрѣчаются слишкомъ искусственныя выраженія, напр. «безвѣстная тишь», «высоты незакатныхъ огней, гдѣ желанья властнѣй и больнѣй», «мертвая зыбь, гдѣ молчатъ камыши». Камыши понадобились, очевидно, для риѳмы, такъ какъ заключительный стихъ: «мой далекій, мой близкій, спѣши!»

«Любовь совершенная» (стр. 31) изображается г-жой Лохвицкой сномъ — но несбыточнѣй сна, мечтой — но блаженнѣй мечты, величаво проходящей въ ореолѣ святой красоты; любовь эта вся создана изъ снѣга, вся изъ пламени вешнихъ лучей, она никогда не помедлитъ, не была и не будетъ ничьей. И только въ смертный часъ мы сольемъ усталую душу съ той, что вѣчно сіяла бѣлымъ снѣгомъ и чистымъ огнемъ. Gesucht, сказалъ бы нѣмецъ.

Безспорно поэтично стихотвореніе «Люблю тебя со всѣмъ мученіемъ»; ново и удачно его заключеніе:

Люблю! — пока душа усталая
Огнемъ любви не изойдетъ.

Хорошо и стихотвореніе «Нѣтъ безъ тебя мнѣ въ жизни счастья» за исключеніемъ мало понятной строки: «Ни въ упоеньи самовластья». Мелодично и весьма изящно стихотвореніе Свѣтъ вечерній, какъ будто навѣянное церковнымъ пѣснопѣніемъ «Свѣте тихій святыя славы». Въ немъ не обошлось безъ крылій и лилій, излюбленныхъ г-жой Лохвицкой. Но поставимъ ли ей въ укоръ это пристрастіе?

IV Отдѣлъ, Баллады и фантазіи состоитъ изъ девяти стихотвореній далеко не равнаго достоинства. Слабѣйшими изъ нихъ кажутся намъ Гномы, Джанъ-Агиръ, Злые вихри, Волшебное кольцо и Союзъ маговъ. Главный ихъ недостатокъ — неясность. Въ Гномахъ описывается морозный Январь, «бѣлой короной увѣнчанный царь». Жалкіе гномы, дрожа отъ стужи гдѣ-то въ пещерѣ дѣлятъ кладъ — рубины и алмазы. Авторъ совершенно неожиданно упоминаетъ о жарко натопленномъ адѣ, гдѣ черные слуги кадятъ Владыкѣ, гдѣ раболѣпный синклитъ несетъ ему «свитокъ паденья» и славитъ его по церковно-славянски: «Славенъ и славенъ еси, сатано!», что едва-ли умѣстно чертямъ. Между тѣмъ гномы готовятся въ бой, невѣдомо съ кѣмъ. Дѣло въ томъ, что имъ не подѣлить между собою кладъ, такъ какъ рубины горятъ ярко, — въ нихъ свѣтитъ ликующій адъ. Между тѣмъ въ небѣ парятъ ангелы; кликъ Осанна потрясъ небосводъ и души спасенныхъ на мигъ постигли ужасъ восторга. А на снѣгу лежитъ «пара комочковъ». На этотъ разъ г-жа Лохвицкая себѣ измѣнила: обыкновенно и въ самыхъ неудачныхъ піесахъ, несмотря даже на вычурность и смѣлость иныхъ выраженій, языкъ ея выдержанъ и изященъ, но эта «пара комочковъ»!!!

Дорогой кладъ не достался какому-то врагу и стихотвореніе, послѣ всей приведенной нелѣпости, заканчивается еще болѣе нелѣпыми строками:

Жалкіе гномы въ аду не нужны,—
Имъ-ли откроются райскіе сны?

Какой-то юный и конечно прекрасный волшебникъ Джанъ-Агиръ неизвѣстно откуда приплылъ въ нашъ скучный міръ въ челнокѣ; приплылъ и запѣлъ; чары звуковъ понеслись и въ морскую ширь, и въ нѣмую высь, и даже въ какой-то «тоскующій предѣлъ». И пошли за нимъ толпою, забывъ весь міръ, сонмы дѣвъ, взывая: «меня возьми съ собой». Нашлась однако одна, не послѣдовавшая за волшебникомъ, за что мы готовы были-бы на-

звать ее благоразумною. Но авторъ разочаровываетъ насъ, самъ объясняя, что она была.... глуха. И неожиданно и даже немного смѣшно.

«Злые вихри» совсѣмъ слабое произведеніе и мы не станемъ утруждать читателя, передавая ихъ смутное содержаніе. Укажемъ только на удивительный по безсмысленности стихъ: «Въ тонкіе бубенчики манятъ злыя чары».

Надо также замѣтить, что во избѣжаніе недопускаемаго правилами стихосложенія семистопнаго стиха, автору слѣдовало-бы разбить его на двое:

Стонутъ Вихри Черные, —
Все имъ воли мало.

«Волшебное кольцо», украшенное Изумрудомъ и Рубиномъ (почему-то удостоенными прописныхъ буквъ, какъ одушевленные предметы, имѣющіе собственныя имена) смотритъ въ очи поэтессы «колдующимъ взглядомъ». Каждый изъ двухъ камней говоритъ ей весьма лестныя, но мало осмысленныя слова, называя ее царицей жемчужинъ и царицей востока, утомленной и пресыщенной сказкой земной.

«Союзъ маговъ» представляетъ собою безсодержательный наборъ словъ: тутъ и Жрецъ Солнца великій магъ, стоящій на львиныхъ шкурахъ, тутъ и пурпуръ и виссонъ, и златой уборъ египетскихъ царей — священная тіара, и магическій «несокрушимый» жезлъ, и перстень Соломона, и опахала изъ ястребиныхъ крыльевъ, и кинамонъ, и ладанъ и сандалъ. Сама же поэтесса выступаетъ въ роли жрицы Луны и, совсѣмъ по женски. удѣляетъ много особаго вниманія описанію своего наряда: она въ бѣломъ, какъ дымъ, одѣяньи, ожерелье изъ луннаго камня, жемчуга и алмаза сверкаетъ «тройной змѣей»; приподнятая «туманная Фата» открываетъ «чела жемчужное убранство». Она несетъ полынь и дрокъ — растенія, посвященныя лунѣ. И жрецъ «позналъ могущество Луны»! Какой скучный вздоръ! И какъ несравненно слабѣе эта вещь напримѣръ «Царицы Савской», напи-

санной той же г-жой Лохвицкой еще въ 1894 г. (I т., стр. 97) и тоже навѣянной востокомъ. Не можемъ отказать себѣ въ истинномъ удовольствіи выписать для сравненія это стихотвореніе цѣликомъ.

Царица Савская.

Купаясь въ золотѣ лучей,
Въ лазури теплой небосклона,
Летятъ двѣнадцать голубей
На югъ далекій отъ Сіона.

Гостей пернатыхъ съ давнихъ поръ
Ждала царица, изнывая, —
И въ злато-пурпурный шатеръ
Ихъ рѣзвая впорхнула стая...

Навстрѣчу имъ идетъ она,
Сойдя съ блистающаго трона,
Какъ пальма Енгадди стройна,
Свѣжа, какъ роза Ерихона...

На ликѣ дивномъ горячо
Разлился вмигъ румянецъ нѣжный,
И свѣялъ голубь бѣлоснѣжный
На обнаженное плечо.

Изъ клюва алаго посланье
Поспѣшно, трепетной рукой,
Она взяла... Невольницъ рой
Умолкъ и замеръ въ ожиданьѣ...

Лишь надъ вѣнчанною главой
Чуть шелестило опахало...
Царица, взоръ потупя свой,
Посланью царскому внимала.

И слово каждое его,
Казалось, откликъ находило

Въ груди, гдѣ прежде мѣсто было
Для самовластья одного: —

«Лобзаю легкіе слѣды
«Прекрасныхъ ногъ моей царицы!
«Ея глаза, какъ двѣ звѣзды,
«Горятъ сквозь темныя рѣсницы...

«Что говорю я?.. двѣ звѣзды?!...
«То молній яркія зарницы!
«И сердце, ими сожжено,
«Любви безумiемъ полно!

«О, кто сравниться можетъ съ ней,
«Съ возлюбленной! Ея ланиты
«Какъ лиліи, цвѣты полей,
«Зарей вечернею облиты...

«Что говорю я?! — цвѣтъ лилей?!
«Алѣе розъ ея ланиты.
«И сердце, ими прельщено,
«Любви безумiемъ полно!

«Какъ упоительно нѣжны
«Ея одеждъ благоуханья!
«Плѣняетъ взоръ, какъ свѣтъ луны
«Красы чудесной обаянье....

«Что говорю я?! — свѣтъ луны?!
«То солнца южнаго сіянье.
«И сердце, имъ ослѣплено,
«Любви безумiемъ полно!»

II.

Окончилъ рабъ... Но далеко
Царицу унесли мечтанья
Туда, въ страну обѣтованья,
«Гдѣ льется медъ и молоко»...

Гдѣ бьетъ ключемъ сиккеръ душистый
И брыжжетъ сокъ янтарныхъ винъ,
Гдѣ теревинѳъ возросъ вѣтвистый
И сѣнь платановъ и маслинъ...

Гдѣ блескомъ сказочнымъ палаты
Затмили роскошь южныхъ странъ,
Гдѣ мирра, ладанъ и шафранъ
Струятъ съ курильницъ ароматы...

Семь ступеней... и пышный тронъ...
И славой вышней осіянный,
Онъ, — цвѣтъ долинъ благоуханный,
«Нарциссъ сарронскій» — Соломонъ!...

О мигъ, ей памятный донынѣ,
Подъ взглядомъ властнымъ и живымъ,
Когда, подобная богинѣ,
Она предстала передъ нимъ, —

Передъ побѣдой иль позоромъ,
Тая борьбы невольный страхъ,
Съ опущеннымъ лукаво взоромъ,
Съ усмѣшкой тонкой на устахъ...

—«Чтожъ передать прикажешь ты
Царю востока отъ царицы»?
И тихо дрогнули рѣсницы,
Отъ чудной пробудясь мечты...

Алѣе розы Ерихона,
Подъ грезой сладостнаго сна,
Посламъ крылатымъ Соломона
Со вздохомъ молвила она:

— «Не отъ царицы, — отъ рабыни
«Скажите вашему царю,
«Что я его боготворю
«И осчастливлена имъ нынѣ!

«Что я дивлюсь его уму,
«Могуществу, богатству, краю...
«Люблю его!.. и рвусь къ нему!..
«И отъ любви изнемогаю!...»

Какъ бы хотѣлось, чтобы это проникнутое блескомъ, нѣгой и зноемъ востока стихотвореніе украшало собою не I-й, а V-й томъ г-жи Лохвицкой, помѣнявшись мѣстомъ съ пустозвоннымъ Союзомъ маговъ. А между тѣмъ сила вдохновенія и теперь не измѣняетъ г-жѣ Лохвицкой; ей слѣдовало-бы только строже относиться къ самой себѣ и не выпускать изъ-подъ пера произведеній недостойныхъ ея творчества и дарованія. Восточные мотивы и теперь плѣняютъ ея вдохновеніе и могутъ дарить намъ прекрасныя созданія, въ родѣ, напримѣръ стихотворенія «Въ пустынѣ»:

На закатѣ дня, подъ небомъ пустыни, она вдвоемъ съ «нимъ»;

«Король мой уснулъ на груди у меня,
Уснулъ онъ на сердцѣ моемъ».

Ее манитъ и зоветъ источникъ, обѣщая напоить живою водою—

«Король мой уснулъ у меня на груди,—
Онъ ввѣрилъ мнѣ душу свою».

Смоковница шепчетъ и предлагаетъ ей свой душистый плодъ—

«Король мой уснулъ на груди у меня,—
Онъ дремлетъ подъ сѣнью любви».

Спѣшатъ караваны, несется самумъ, грозитъ опасность погибнуть въ пескахъ—

«Король мой уснулъ у меня на груди,—
Повѣрю-ли въ гибель и страхъ?»

Исчезли миражи, распались какъ дымъ,
Вечернее небо паритъ впереди.
Король мой! Ты нѣжно, ты свято хранимъ,
Ты дремлешь на вѣрной груди.

Развѣ это не поэтично и развѣ не носитъ на себѣ печати Востока?

Въ стихотвореніи Въ саду надъ бездной (стр. 51) сплетаются поэтичные образы съ таинственностью, которая граничитъ съ безсмыслицей.

Былъ труденъ путь. Былъ зноенъ день.
До полдня длилось восхожденіе.
И вотъ, обѣщанная сѣнь
Предъ нами встала, какъ видѣніе.

И мы вошли въ нагорный садъ,
Гдѣ, разрастаясь въ изобиліи,
Жасмины пряные кадятъ,
Межъ розъ и миртъ сіяютъ —

Читатель, вы угадали, кто сіяютъ? конечно — лиліи.

Врата златыя заперты.
Намъ сладко млѣть въ благоуханіи.
Подъ нами травы и цвѣты,
Надъ нами лавры — и латаніи.

Все пока хорошо, картинно, мелодично и пахнетъ пріятно. Но далѣе идетъ чепуха. Въ саду, повиснувшемъ надъ бездною, есть какая-то властная богиня — земной кумиръ со звѣздною короной. Ей служатъ какъ божеству, несутъ гимны и кажденія, въ горячихъ снахъ и на яву, «въ стихійныхъ буряхъ наслажденія». Поющіе и кадящіе, «свѣтло-блаженные какъ геніи» душой исходятъ въ медленномъ томленіи; имъ снятся «жуткія видѣнія».

И львы, желтѣя сквозь листву,
Лежатъ на стражѣ пробужденія.

Ну, развѣ не чепуха?

Но вотъ и прекрасное стихотвореніе, вполнѣ достойное крупнаго таланта; это Горныя видѣнія (стр. 37). Мы бы назвали его безукоризненнымъ, еслибъ въ немъ не попадались декадентскія

причуды, безъ которыхъ богатая фантазія и образный языкъ г-жи Лохвицкой вполнѣ могли бы обойтись. «Неразгаданныя высоты» и «холодныя волны голубого огня» въ первой строфѣ только портятъ піесу, написанную въ Швейцаріи и передающую впечатлѣнія горныхъ вершинъ. Остальныя же строфы прекрасны; судите сами:

Порой предразсвѣтною,
Сквозь сонъ отлетающій,
Мы слышимъ неясно таинственный хоръ.
То гимнъ міросданію
Поютъ небожители,
Поютъ на вершинахъ, снѣгами блистающихъ,
На склонахъ во мглѣ утопающихъ горъ.

Но меркнетъ сіяніе
Лазурнаго мѣсяца,
Провидятъ вершины рожденье зари —
И, снѣгомъ вѣнчанныя,
Осыпались розами.
Не отблескомъ мертвымъ — но златомъ и пурпуромъ.
Зажглись недоступные ихъ алтари.

И взрѣяли ангелы —
Небесные вѣстники —
Къ широкимъ пустынямъ родной высоты,
Жемчужные, алые
И желто-лиловые
По горнымъ хребтамъ и уступамъ яснѣющимъ
Роняли они, улетая, цвѣты.

«Плачъ Агари» (стр. 35) по нашему лучшее во всемъ V-мъ томѣ стихотвореніе. Г-жа Лохвицкая посвящаетъ его своему сыну Измаилу.

Тяжко дышится въ пустынѣ.
Рдѣетъ солнце — гнѣвный царь.

Плачетъ, плачетъ мать о сынѣ,
Стонетъ смуглая Агарь:

«Угасаютъ всѣ надежды,
Ангелъ жизни отступилъ.
Ты лежишь, закрывши вѣжды,
Бѣдный сынъ мой, Измаилъ!

На чело отъ муки жгучей
Пали смертные цвѣта.
Кудри сбились темной тучей,
Запеклись твои уста.

Не пролилъ на насъ Предвѣчный
Отъ щедроты Своея.
Здѣсь, въ пустынѣ безконечной,
Мы погибнемъ — ты и я!

Но услышалъ вопль о сынѣ
Тотъ, Кто славенъ и могучъ.
И журча, забилъ въ пустынѣ
Чистыхъ водъ гремящій ключъ.

—

Та же скорбь мечтой унылой
Душу мучаетъ мою.
Ты возжаждешь, сынъ мой милый,
Чѣмъ тебя я напою?

Труденъ путь къ святой отчизнѣ,
Гдѣ найду нездѣшнихъ силъ?
Мы одни въ пустынѣ жизни,
Бѣдный сынъ мой, Измаилъ!

Низойдетъ ли духъ могучій
Съ лучезарною главой —
Да обрящемъ въ полдень жгучій
Свѣтлый ключъ воды живой?

Какъ и Материнскій завѣтъ (стр. 10), выше уже упомянутый нами и также посвященный сыну, Плачъ Агари трогателенъ своей искренностью и прекрасенъ удачнымъ сближеніемъ библейскаго повѣствованія съ дорогою для автора дѣйствительностью.

V.

Отдѣлы Сонъ, Средніе вѣка и Навожденья — какой то тяжелый мучительный кошмаръ; это область страшныхъ вѣщихъ сновъ, волшебства, зловѣщихъ ужасовъ, auto da fe, инквизиторскихъ пытокъ, заклинаній, стигматовъ ада, чаръ, колдовства и черной магіи. Встрѣчаются въ этихъ отдѣлахъ и курьезы. Напримѣръ, на стр. 73 стихотвореніе «Одержимая» начинается слѣдующимъ необыкновеннымъ признаніемъ:

Сегодня я — подъ властью «*черной птицы*»,
Она гнѣздо въ груди моей свила.

Тамъ же упоминается и «зарево угаснувшихъ скорбей». На стр. 80 имя, повторяемое искусителемъ, истомляетъ, журча — какъ вино.

Не будемъ вдаваться въ подробную оцѣнку всего этого чернокнижія: оно слишкомъ чуждо поэзіи. Хочется сказать сбившемуся съ истиннаго пути автору его же словами:

«Не отступай отъ гордаго пути».

Заколдованные портреты, сіяющіе страшной убыбкой злые горбуны съ волчьими зубами, хохотъ привидѣній, средневѣковыя казни и костры, чаши бѣсовскаго напитка, шестирогій вѣнчикъ сатаны, магическіе жезлы со сплетенными змѣями должно быть такъ крѣпко приковали г-жу Лохвицкую къ грѣшной землѣ или даже къ преисподней, что на пять стихотвореній отдѣла «Небеса» не хватило подъема. Блѣдно вышло изображеніе святой Екатерины: она воздвигла въ своей душѣ алтарь; свѣтильникъ въ немъ семь огней (?) радуги. Но расцвѣтъ своей души отдаетъ

она лишь тому и ѳиміамъ зажжетъ лишь передъ тѣмъ, кто прекраснѣе Авессалома, свѣтлѣе Давида и мудрѣе Соломона.

И гласъ провѣялъ, благостенъ и тихъ:
«На небесахъ предвѣчный твой женихъ!
Онъ дастъ тебѣ вѣнецъ петлѣнныхъ розъ.
Онъ весь — любовь. Его зовутъ — Христосъ!

Во главѣ этой піесы можно было-бы поставить имя всякой другой святой, а «мистическій бракъ» (le mariage mystique) св. Екатерины упоминается какъ-то вскользь. Въ словахъ святой слышится гораздо больше чувствительности и экзальтаціи, чѣмъ святости.

Подъ «Красною лиліей» разумѣется Благовѣщеніе, въ изображеніяхъ котораго мы привыкли видѣть архангела съ бѣлой, а не красной лиліей въ рукѣ. Но допустимъ эту поэтическую вольность. Евангельскій разсказъ, прекрасный въ своей простотѣ, искаженъ г-жой Лохвицкой, придумавшей необычную обстановку: тѣнь колоннъ ведущихъ во храмъ [1]); Пресвятая дѣва изображена уснувшею, «сжигая ѳиміамъ»; сонмы ангеловъ, парящихъ въ дыму кадилъ, роняютъ на грудь Пречистой лиліи, вторя вѣстнику радости—архангелу, поютъ они: «Благословенна будь!» Всѣ эти прикрасы едва-ли нужны строгому величію и безъискусственности повѣствованія Евангелиста.

Небесные огни (стр. 87) озадачиваютъ гремящимъ напѣвомъ «звѣздной пѣсни».

Небесный садъ (стр. 88) оставляетъ впечатлѣніе приторности и жеманности; не вяжутся съ изображеніемъ рая и кажутся тривіальными эти уменьшительныя, эти тюльпанчики, пѣсенки, лобики.

Райскіе хоры (стр. 90) лучше остальныхъ стихотвореній, вошедшихъ въ отдѣлъ «Небеса». Приведены хоры мальчиковъ, дѣвочекъ, блаженныхъ и ангеловъ. Встрѣчается и грамматическая

1) И откуда взялся храмъ въ Назаретѣ?

ошибка: слово куща въ родит. падежѣ множеств. числа должно быть кущей, а не кущій, поставленнаго вѣроятно въ риѳму къ поющій.

И тутъ не обошлось безъ лилій. Въ общемъ и эта піеса холодна и безцвѣтна.

VI.

Больше половины разсматриваемаго тома занимаетъ драма въ 5-ти актахъ, 8-и картинахъ «In nomine Domini» («Во имя Бога») [1]). Содержаніе ея заимствовано изъ судебнаго процесса (1610 — 1611 г.). Свѣдѣнія объ этомъ предметѣ почерпнуты изъ записокъ инквизитора Михаэлиса, изданныхъ въ XVII вѣкѣ, подъ названіемъ «Histoire admirable de la possession et conversion d'une pénitente séduite par un magicien, Lyon, 1614.

Отталкивающее впечатлѣніе производитъ эта драма и давитъ воображеніе какъ болѣзненный, мучительный сонъ. Со стороны стихосложенія она почти не заслуживаетъ упрека: стихъ легкій, непринужденный и мы замѣтили лишь самое незначительное число погрѣшностей. На страницѣ 99 опять встрѣчается слово кущій (родит. падежъ множ. числа) вмѣсто кущей. На стр. 250:

«. . . . . Изгнавъ тебя, мой сынъ;
Изъ лона церкви нашей, предаемъ мы
Тебя *ко* власти свѣтскаго суда,
Котораго усердно умоляемъ
Постановить» и пр.

Тутъ двѣ ошибки: предаютъ власти, а не ко власти.

Умоляютъ судъ, т. е. который, а не котораго.

На стр. 175: «Блюсти *надъ нимъ* въ пути вы день, и ночь должны». Блюсти можно кого нибудь, а не надъ кѣмъ нибудь. На

1) Правильнѣе было бы перевести: «Во имя Господне». Полный текстъ: Benedictus qui venit in nomine Domini — Благословенъ грядый во имя Господне (Еванг. отъ Матѳея XXI, 9).

стр. 212: «Небесныхъ розъ святой любви въ ней насадила я». Насадить можно розы, а не розъ.

Вотъ вкратцѣ содержаніе драмы. 19-лѣтняя красавица монахиня-урсулинка Мадленъ одержима бѣсомъ. Сама она говоритъ подругамъ — монахинямъ:

«Вы бѣдныя, ничтожныя, слѣпыя,
Внемлите мнѣ, смотрите на меня!
Я призвана, чтобъ царствовать надъ міромъ,
Я избрана отъ самыхъ юныхъ дней
Могущественнымъ духомъ — Вельзевуломъ; —
Супруга я царя жужжащихъ мухъ!
Но духъ безплотенъ, духъ неосязаемъ —
И потому на время, на землѣ,
Какъ замѣститель вѣчнаго блаженства,
Мнѣ данъ иной возлюбленный супругъ.
То — принцъ волхвовъ чудеснаго востока
И маговъ запада».

Монахини просятъ Мадленъ назвать имя этого супруга и она называетъ проповѣдника, живущаго въ Марсели, аббата Луи Гофриди. Она показываетъ перстень, которымъ обручилъ ихъ Вельзевулъ. Одна изъ монахинь, Луиза, слыша эти признанія клянется про себя отомстить за небеса, поруганныя адомъ; пусть гибнутъ, но гибнутъ въ покаяньи, пусть костеръ имъ будетъ воздаянье, но души попадутъ въ Царствіе.

Луиза одержима дьяволомъ Верриномъ. Въ монастырь пріѣзжаютъ инквизиторы Михаэлисъ и Франциск и производится допросъ. Приводятъ Луизу и Мадленъ. Первая производитъ на инквизиторовъ впечатлѣніе злой и жестокой дѣвушки, тогда какъ Мадленъ сразу возбуждаетъ къ себѣ ихъ расположеніе.

Вотъ отрывокъ акта II-го. Дѣйствіе происходитъ въ кельѣ отца Ромильона, настоятеля монастыря св. Урсулы въ Эксѣ. На сценѣ Ромильонъ, оба инквизитора, игуменья, Луиза, Мадленъ и толпа монахинь.

Луиза.

Три дьявола моей владѣютъ волей:
Одинъ изъ нихъ по имени Верринъ,
Старѣйшій между ними—посланъ Богомъ,
Чтобъ возвѣстить вамъ правду, покарать
Иль обратить къ спасенью души падшихъ.
Второй зовется — демонъ Сопельонъ;
То яростный противникъ нашей церкви
И врагъ Веррина; вѣчно споритъ съ нимъ
За то, что тотъ отдалъ себя служенью
Небеснымъ силамъ. Третій — Веліаръ,—
То духъ нечистоты и вожделѣнья.

Мадленъ.

Забыла ты четвертаго назвать!
Забыла бѣса ревности безумной,
Неистовой, что гложетъ грудь твою.

Луиза (бросаясь на Мадленъ, бьетъ ее).

Что?. Ревности?.. А!.. Ревности!..
Такъ вотъ же,
Такъ вотъ тебѣ!..

Мадленъ.

Ай!.. Ай, оставь меня!...

Михаэлисъ.

Сестра Луиза!

Отецъ Ромильонъ.

Дочь моя, опомнись!

Луиза.

Я не Луиза... Демонъ я Верринъ!
И вы должны внимать мнѣ раболѣпно!
Вы всѣ должны внимать мнѣ!

Мадленъ.

Но не я!

(Принимаетъ гордую позу).

Эй ты, Верринъ! Ты — мой слуга послѣдній!
Я — Вельзевулъ. Я принцъ воздушныхъ силъ!
А ты простой, ничтожный дьяволенокъ.
Тебѣ-ль со мной тягаться?

Луиза.

Да, въ аду
Ты — господинъ мой, но не здѣсь.
Смотри же,

(Бросаетъ Мадленъ на полъ и попираетъ ее ногами).

Смотри, какъ презираю я тебя!

Мадленъ.

Пусти меня, не смѣй!
Всѣ.
Сестра Луиза!

(Общими силами монахини оттаскиваютъ Луизу отъ Мадленъ).

Неправда-ли читатель, какая миленькая сценка?

Далѣе Луиза, продолжая обвинять Мадленъ въ колдовствѣ, обращаетъ вниманіе инквизиторовъ на ея черные глаза, брови и рѣсницы; по словамъ Луизы сама природа ясно указала, что волосы у Мадленъ должны бы быть черные. Луиза подбѣгаетъ къ ней и сдергиваетъ съ ея головы монашеское покрывало. Роскошные волосы Мадленъ «разсыпаются золотымъ дождемъ». Монахи приходятъ въ восторгъ и наперерывъ сравниваютъ эти волосы съ колосьями, съ растопленнымъ золотомъ и съ лучами. Одинъ настоятель Ромильонъ, усматривая соблазнъ въ столь необычайной красотѣ волосъ, хочетъ остричь ихъ; Мадленъ сопротивляется, а Ромильонъ гоняется за нею съ ножницами. Но инквизиторы справедливо замѣчаютъ, что красота не всегда при-

суща однѣмъ колдуньямъ, ссылаются на Марію Магдалину и находятъ возможнымъ оставить Мадленъ ея волосы. Тогда Луиза говоритъ, что если раздѣть Мадленъ, то всякій увидитъ, что она скрываетъ подъ монашеской рясой и хочетъ ее заставить раздѣться. Ромильонъ, считая это неприличнымъ, противится, но инквизиторы ничего не имѣютъ противъ раздѣванія; они спорятъ, а Луиза «срываетъ рясу съ Мадленъ, которая оказывается одѣтой въ ярко-красную прозрачную одежду съ золотыми блестками. Руки и плечи обнажены, на шеѣ сверкаетъ ожерелье. Ноги видны выше колѣнъ сквозь прорѣзи одежды. Мадленъ сбрасываетъ грубую обувь и, швырнувъ ее въ Луизу, остается въ красныхъ башмачкахъ». Инквизиторы рѣшаются отвезти обѣихъ монахинь въ Бомскій монастырь, надѣясь, что тамъ, въ священномъ гротѣ Маріи Магдалины легіонъ нечистыхъ силъ изыдетъ изъ одержимыхъ.

Въ кельѣ Бомскаго монастыря (актъ III, картина I) сестра Катерина, прибывшая вмѣстѣ съ Мадленъ, убѣждаетъ ее, по какой-то невѣдомой намъ причинѣ, не называть Луи Гофриди передъ судомъ. Мадленъ возражаетъ, что молчать не можетъ, что это имя жжетъ ей уста, что Гофриди ей ненавистенъ, какъ соблазнившій и погубившій ее; онъ отравилъ ее «неугасимой жаждой всѣхъ дьявольскихъ мученій и блаженствъ». Когда же сестра Катерина говоритъ, что если Мадленъ назоветъ его колдуномъ—Гофриди будетъ сожженъ, Мадленъ въ отчаяніи восклицаетъ: «Все, но не смерть. Мнѣ жизнь его дороже всѣхъ жизней въ мірѣ. Пусть его томятъ, пытаютъ, мучатъ... но не убиваютъ. Мнѣ жить нельзя ни съ нимъ, ни безъ него!» Невольно недоумѣваешь, чего же ей надо, любитъ она его или нѣтъ? Луиза подслушиваетъ разговоръ. На ея вопросъ, любитъ ли Мадленъ аббата Гофриди, та отвѣчаетъ утвердительно. Луиза убѣждаетъ ее покаяться, смириться и назвать на судѣ того, кто погубилъ ее. Но Мадленъ повторяетъ то же, что сказала Катеринѣ, что скорѣй умретъ, но его не назоветъ. Луиза опять принимается ее бить. Входятъ инквизиторы и возобновляютъ допросъ. Они стараются выпытать у

Мадленъ имя соблазнителя, но безуспѣшно. Она жалуется что злые духи ее терзаютъ, что они кишатъ вездѣ, что весь воздухъ полонъ или, что мракъ темнѣетъ отъ ихъ сплетенныхъ крыльевъ. Зовутъ слугъ, опоясанныхъ мечами и велятъ пересѣкать воздухъ крестъ на-крестъ. «Служители разсѣкаютъ воздухъ мечами; съ каждымъ взмахомъ слышится въ отдаленіи нѣвучій протяжный стонъ, подобный звуку Эоловой арфы». Мадленъ впадаетъ въ забытье. «Тихіе стоны въ воздухѣ какъ серебряные колокольчики, замираютъ вдали».

Михаэлисъ (наклоняясь къ Мадленъ).

Мадленъ!

Бр. Францискъ.

Уснула!

Михаэлисъ.

Дѣточка!

Бр. Францискъ.

Миленокъ!

Какъ куколка, раскинувшись, лежитъ.

Михаэлисъ (бр. Франциску).

Прошу васъ, братъ, скажите музыкантамъ,
Чтобъ заиграли что-нибудь скорѣй
Пріятное и нѣжное. За дверью
Они остались приказаній ждать.

Бр. Францискъ.

Пусть братъ Паскалисъ сходитъ, онъ моложе.
Ступайте братъ, а я останусь здѣсь.

Бр. Паскалисъ.

Но братъ Антоній всѣхъ насъ ближе къ двери,
Пусть сходитъ онъ.

Бр. Антоній.

Я лучше постучу,

Они поймутъ. (Стучитъ въ дверь не сходя съ мѣста).
Эй! Вы тамъ, начинайте!

(Раздается нѣжная мелодія).

Михаэлисъ (наклоняясь къ Мадленъ).

Проснулась? Нѣтъ, все спитъ еще дитя.
Она такъ любитъ музыку, малютка.
И средство это лучшее изъ всѣхъ,
Чтобъ отогнать толпы враждебныхъ духовъ.

(Любуясь на спящую).

Какъ хороша! Да полно, точноль спитъ?
Неровно грудь взволнованная дышитъ...
Пожаръ ланитъ то вспыхнетъ, то сбѣжитъ...
И на устахъ какъ-будто легкій трепетъ
Отъ сдержанной улыбки... Иль хитритъ?
Не спитъ, шалунья?—Нѣтъ, молчитъ, не слышитъ.

(Обращаясь къ инквизиторамъ).

Есть у нея бѣсовская печать
На правой ножкѣ, около колѣна.
Тотъ стигматъ намъ не лучше-ль разсмотрѣть
Подробнѣе, для пользы правосудья,
Пока малютка дремлетъ?
Правъ-ли я?

Бр. Францискъ.

Братъ Михаэлисъ, никогда, клянусь вамъ,
Вы не были такъ правы, какъ теперь!

Бр. Паскалисъ.

И я того же мнѣнія.

Бр. Антоній.

Я то же.

Михаэлисъ.

Какъ мнѣ отрадно, братья, что межъ насъ
Явилось наконецъ единодушье!

(Наклоняясь къ Мадленъ).

Спи крошка, я тебя не разбужу.

Бр. Францискъ.

Но гдѣ же знакъ?

Михаэлисъ.

Его не нахожу я.

Бр. Францискъ (заглядывая черезъ плечо Михаэлиса).

Не этотъ-ли?

Михаэлисъ.

Родимое пятно.
Хорошенькое пятнышко, не болѣ.

(Цѣлуетъ ноги Мадленъ).

Зато какая ножка! Чистый воскъ
Ей въ бѣлизнѣ уступитъ!

Бр. Францискъ.

Жемчугъ!

Брр. Паскалисъ и Антоній.

Мраморъ!

Бр. Францискъ.

Но, можетъ быть, вы ищете не тамъ.
Позвольте, братъ мой, и на лѣвой ножкѣ,
Я думаю, намъ должно поискать.

Михаэлисъ (отталкивая бр. Франциска).

Нѣтъ, пѣтъ, не тамъ ее отмѣтилъ дьяволъ,
Я помню точно.

Бр. Францискъ.

Но позвольте братъ...

Михаэлисъ.

Прошу васъ, братъ всецѣло положиться
На опытъ мой.

Бр. Францискъ.

Я тоже не дуракъ!

Михаэлисъ.

Оставьте, братъ.

Бр. Францискъ.

Ну, вотъ еще,—вамъ можно,
А мнѣ нельзя? Я тоже посмотрю.

(Наклоняется къ Мадленъ, которая вдругъ ударяетъ его по щекѣ).

Ай!..

Мадленъ.

Вотъ тебѣ!.. Пошелъ противный, гадкій!..

Мы не можемъ не раздѣлить негодованія Луизы, которая, возмущенная этой сценой, стоющей самой нескромной французской оперетки, уходитъ. За нею слѣдуетъ Францискъ, громко выражая свой праведный гнѣвъ, вызванный, впрочемъ, не столько поведеніемъ инквизиторовъ, сколько полученной пощечиной.

Въ самомъ концѣ картины такая ремарка: «Доносится странный шумъ, напоминающій свистъ вѣтра, смѣшанный съ дрожаніемъ туго-натянутой струны, какъ будто близится полетъ гигантской мухи. Инквизиторы, очарованные, застываютъ въ неподвижныхъ позахъ. Мадленъ вскакиваетъ на столъ и мгновенно озаряется яркимъ, волшебнымъ фіолетовымъ свѣтомъ, постепенно переходящимъ въ красный. Мадленъ, простирая руки, выкрикиваетъ въ безумномъ восторгѣ: Приди супругъ мой! Veni Belzebub!»

Луизѣ удается заманить Мадленъ въ подвалъ, гдѣ сперва скрытые занавѣской, за столомъ, покрытымъ чернымъ сукномъ, сидятъ монахи со Старымъ Инквизиторомъ во главѣ. Луиза опять выспрашиваетъ у Мадленъ имя ея любезнаго, но та молчитъ. Догадываясь, что ихъ подслушиваютъ, Мадленъ отдергиваетъ занавѣску. У нея выпытываютъ имя обольстителя; когда же она не соглашается его назвать, грозятъ запереть ее въ «In pace», черную яму, гдѣ помѣщены два скелета. Обезумѣвъ отъ ужаса,

Мадленъ называетъ Луи Гофриди. Потомъ, въ гротѣ св. Маріи Магдалины устраиваютъ очную ставку Мадленъ съ Гофриди. Увидѣвъ его, она рвется къ нему, называетъ возлюбленнымъ, кричитъ: «Тебя я обожаю!.. Мой магъ!.. Мой богъ! Сокровище мое! Единственный мой! Счастье! Счастье! Счастье! Все счастіе мое въ твоихъ очахъ!» Между тѣмъ связанному Гофриди предлагаютъ покаяться въ грѣхахъ и тяжкихъ преступленіяхъ. Ему указываютъ на Мадленъ, какъ на живую улику. Мадленъ стоитъ отвернувшись; когда же онъ проситъ ее на него взглянуть, она продолжаетъ отворачиваться, говоря: «Нѣтъ, не хочу! Вы такъ мнѣ ненавистны»! Хотя Гофриди называетъ ложью взводимыя на него обвиненія, его заставляютъ подписать безъ его вѣдома составленное признаніе въ колдовствѣ, послѣ чего пытаютъ, чтобы узнать сообщниковъ и ведутъ на костеръ. Луиза и Мадленъ сидятъ въ тюрьмѣ. Узнавъ отъ тюремщика, что Луи будетъ сожженъ, а ее выпустятъ на волю, Мадленъ принимается пѣть веселую и довольно пошлую пѣсенку, заканчивающуюся словами:

Мнѣ смерть его — услада.
Онъ гибнетъ, — я живу!

Когда же Луиза укоряетъ ее въ безжалостности и напоминаетъ, что Гофриди, какъ жертва на закланье, идетъ за нее въ огонь, Мадленъ, вздрогнувъ, останавливается и восклицаетъ: «Луи!.. Любимый мой»!... Рыдая, обращается она къ Луизѣ:

Все это — ты! Ты завистью ревнивой
Сгубила всѣхъ: меня, себя, его...
Все ты одна!... Будь проклята во вѣки.

Луиза.

Ты — до скончанья міра и вѣковъ!

Тюремщикъ (просовывая голову въ дверь).

Ведутъ его. Смотрите, коль хотите,
Но не шумѣть! И я пойду взгляну.

(Затворяетъ дверь).

МАДЛЕНЪ (бросаясь къ окну).

Возлюбленный! Тебя ведутъ въ оковахъ...
О, изверги! Васъ много, онъ — одинъ.
Всѣ на него! Его вы осудили...
За что?.. За то, что онъ меня любилъ!

(Колокольный звонъ продолжаетъ гудѣть громче и громче. Слышно пѣніе «*Ora pro nobis*») МАДЛЕНЪ (рыдая и дрожа).

Луи!.. Мой магъ... спасти себя ты можешь,
Лишь захоти!.. Спасись, спасись Луи!
Зови на помощь дьявольскія чары —
И вмигъ ослѣпнутъ палачи твои,
И ты уйдешь — незримый и свободный...
Не для себя, но для меня спасись!

(Похоронное пѣніе раздается подъ окномъ).

ЛУИЗА (падая на колѣни).

Великій Богъ! молю Тебя, прими
Весь ѳиміамъ, клубящійся отъ вѣка,
Все пламя жертвъ, сожженныхъ за Тебя!
И тѣхъ, чей дымъ подымется въ грядущемъ!
И тѣхъ, что будутъ до скончанья дней —
Прими за душу грѣшника, о, Боже,
Все — за него!...

МАДЛЕНЪ.

Кого ведете вы?!..
Луи постой!.. Я такъ тебя любила...
Моя любовь зажгла тебѣ костеръ...
Какъ блѣденъ ты, какъ изнуренъ, любимый...
Остановись... На смерть тебя ведутъ...
Твои уста и очи, и ланиты
Спалитъ огонь!.. сожжетъ... испепелитъ
Всего тебя!.. Онъ обернулся!... Боже!..

ЛУИЗА (продолжая молиться).

Все — за него!

Мадленъ (рыдая).

О, не смотри сюда...
Кого ты ищешь жадными очами?
Здѣсь нѣтъ меня... Здѣсь нѣтъ твоей Мадленъ!...
Она стоитъ на пышномъ возвышеньи,
Съ твоимъ вѣнкомъ на золотыхъ кудряхъ.
Предъ нею кровь стекаетъ по ступенямъ
И голосъ крови къ Богу вопіетъ...

Луиза.

Все — за него!

Мадленъ.

О, не смотри мнѣ въ душу!..
Здѣсь нѣтъ Мадленъ!.. Здѣсь только тѣнь моя!..
Она въ аду предъ страждущими пляшетъ...
Ихъ кровь на ней... На шабашѣ она,
Гдѣ жертвы ей приносятся безъ счета...
О, не гляди!

Луиза.

Великій Богъ, прими
Весь жаръ молитвъ!.. Всѣ слезы покаянья!..
Всю кровь святыхъ, воззвавшую къ Тебѣ!..
Всѣ славословья чистыхъ серафимовъ!..
Все за него!..

Мадленъ.

Остановите казнь!...
Беру назадъ позорныя признанья!
Ихъ вынудили силой у меня...
За нимъ... за нимъ... на казнь, на смерть, на пытку!
За нимъ въ огонь!.. Къ тебѣ, къ тебѣ, Луи!..

Луиза.

Все за него!

МАДЛЕНЪ.

Не слышатъ, изувѣры!..
Меня возьмите... Жизнь — за жизнь его..
Мою любовь отдамъ, вѣдь я прекрасна...
Я буду пѣть, смѣяться и плясать...
Я цѣловать умѣю до забвенья...
Ласкать умѣю!.. Я люблю его!..
Я всѣхъ люблю, кто дастъ ему свободу!..
Костеръ лишь погасите!.. Гдѣ вода?..
Скорѣй, скорѣй, пока еще не поздно...
Тушите кровью!.. Лейте кровь мою!..
Пока еще огонь не прикоснулся
Къ его ногамъ и дымъ не задушилъ!..

ЛУИЗА.

Все — за него,

МАДЛЕНЪ (ломая руки).

Не внемлютъ!.. Поздно!.. поздно!..
Съ тобой на смерть!.. На пытку!.. На костеръ!..
А!. Боже!.. Боже!.. Онъ горитъ! Спасите!
Огонь... огонь...

(Падаетъ безъ чувствъ. Тюрьма озаряется отблескомъ краснаго пламени).

ЛУИЗА (съ отчаяніемъ).

О, если мало жертвъ....
О, если мало слезъ, молитвъ и крови —
Воззри, Господь, на будущую скорбь.
Сочти всѣ муки новыхъ поколѣній, —
Все — за него!

МАДЛЕНЪ (вскочивъ, бѣжитъ въ изступленьи).

Горю!.. горю!.. горю!..

Такъ кончается драма, въ которой авторъ не постѣснился сплесть основанную на положительныхъ историческихъ данныхъ дѣйствительность съ вымысломъ болѣзненно-настроеннаго воображенія. Порою стыдно и обидно становится за М. А. Лохвицкую и это тѣмъ болѣе, что ея драма, при допущенныхъ въ ней недомолвкахъ и прямо нелѣпостяхъ, написана почти сплошь прекрасными, легкими и звучными стихами.

Чѣмъ оправдать безсмысленныя непримиримыя противорѣчія страстной любви, безо всякой видимой причины переходящей въ непонятную ненависть, снова смѣняющуюся нѣжной и пылкой любовью. Чѣмъ извинить безобразныя сцены драки двухъ дѣвушекъ или непристойное заигрыванье монаховъ съ монахиней? Балаганныя сверхъестественныя явленія и вся сопровождающая ихъ чертовщина заставляетъ вмѣстѣ съ авторомъ воскликнуть:

Кто здѣсь безуменъ — вы иль я — скажите?
Но кто-то здѣсь сейчасъ сошелъ съ ума.

Увѣренные въ недюжинномъ талантѣ М. А. Лохвицкой, мы позволяемъ себѣ указать ей на необходимость болѣе внимательной и строгой самооцѣнки. Въ стихотвореніи, уже нами упомянутомъ. «Материнскій завѣтъ», обращенномъ къ ея сыну, есть строка, въ которой заключается преподанный ему совѣтъ:

«Отъ вѣчныхъ звѣздъ лица не отврати».

Этотъ прекрасный совѣтъ вполнѣ приложимъ и къ самой г-жѣ Лохвицкой. Ея произведенія несомнѣнно стали-бы украшеніемъ нашей литературы, если бы она не касалась темъ, имѣющихъ мало общаго съ истинной поэзіей, еслибъ не увлекалась выраженіями противорѣчащими здравому смыслу и еслибъ не прибѣгала къ совершенно излишней при богатствѣ ея фантазіи вычурности и искусственности.

Замѣченные нами немаловажные недостатки, по нашему разумѣнію, не допускаютъ увѣнчанія V-го тома стихотвореній

М. А. Лохвицкой ни полной, ни даже половинной Пушкинскою премією. Но было-бы несправедливо изъ-за недостатковъ, какъ бы крупны они ни были, забывать о достоинствахъ поэзіи разсматриваемаго автора; а эти достоинства несомнѣнно существуютъ; а потому намъ кажется, что эти положительныя стороны творчества М. А. Лохвицкой заслуживали-бы почетнаго отзыва Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

К. Р.

Осташово. Май 1905 г.

II.

Данте Алигьери. Божественная Комедія, въ новомъ стихотворномъ переводѣ О. Н. Чюминой. Изданіе А. А. Каспари. С.-Петербургъ 1900—1902 гг. 6 выпусковъ.

I.

Когда раздумываешь о переводахъ нѣкоторыхъ поэтическихъ произведеній, въ голову невольно приходитъ парадоксъ: лучше-бы ихъ вовсе не переводить! И эта мысль кажется пелѣпой только на первый взглядъ. Работа переводчика такъ трудна, требуетъ столько знаній и любовнаго проникновенія въ предметъ! И какъ часто она не удается! Какъ много переводовъ, искажающихъ смыслъ и поэзію оригинала! Кромѣ того, много-ли истинныхъ читателей, истинныхъ любителей поэзіи, для которыхъ стоило-бы трудиться? Много-ли людей будетъ огорчено, если не прочтётъ того или другого романа, поэмы и т. д.? Много-ли такихъ, которые сдѣлаютъ ихъ элементомъ своей душевной жизни, орудіемъ движенія впередъ? Не лучше-ли уединенному любителю поэзіи взять на себя трудъ выучиться чужому языку, одолѣть любимое произведеніе въ подлинникѣ, цѣликомъ и основательно овладѣть имъ? Не легче-ли, не плодотворнѣе-ли этотъ трудъ, чѣмъ трудъ переводчика, который, при наилучшихъ условіяхъ, дастъ неточную копію, рискуя очутиться въ положеніи «художника — варвара»?

Горько въ этомъ признаться, но поэзія, какъ дѣло жизни, существуетъ только «для немногихъ», а они, эти немногіе, охотно выучатся и чужому языку. Странно слышать увѣренія, будто достаточно пользоваться переводами, будто подлинникъ существуетъ только для филолога, увѣреніями, которыя, раздаваясь изъ авторитетныхъ устъ, сбиваютъ съ толку молодежь!.... Чтеніе чтенію рознь, и не каждому изъ читателей открывается царство поэзіи. Многочисленные переводы еще не ручаются за высокое качество въ усвоеніи чужого творчества, и очень часто начетчикъ въ переводной литературѣ — только грамотѣй, самоувѣренный обладатель полузнанія.... Незачѣмъ указывать, какія произведенія имѣемъ мы въ виду. Каждый самъ назоветъ Фауста, Донъ-Кихота, Иліаду и Одиссею, греческія трагедіи и много другихъ. Ихъ надо или усвоить цѣликомъ, серьезно, т. е. въ подлинникѣ или замѣчательно точномъ, изящномъ переводѣ, или вовсе не касаться. Къ числу ихъ надо отнести и Божественную Комедію Данте. Въ ней, кажется, соединились всѣ трудности, которыя могутъ встрѣтиться на пути переводчика. Самая величина поэмы, ея стихосложеніе, значительно устарѣлый языкъ, сложное, запутанное содержаніе, о которомъ шутники говорятъ, что въ Данте безъ комментарія нельзя понять ни одного слова, перекрестная символика поэмы — все это дѣлаетъ Божественную Комедію пробнымъ камнемъ переводческаго дарованія.

Прибавимъ къ этому огромную литературу о Данте, которая продолжаетъ расти не по днямъ, а по часамъ, и уже имѣетъ собственную длинную исторію. Изученіе Божественной Комедіи началось почти при жизни автора, и съ тѣхъ поръ, въ разныя эпохи, при разныхъ обстоятельствахъ, по разному понимали и толковали Данте. Знакомство съ литературой неизбѣжно отразится и на качествѣ перевода: переводчикъ Божественной Комедіи долженъ быть не только поэтомъ, но и ученымъ, въ иныхъ случаяхъ даже филологомъ.

Кромѣ того, Божественная Комедія какъ разъ относится къ небольшому числу избранныхъ произведеній, съ которыми

особенно не слѣдуетъ знакомиться по неточнымъ переводамъ. Вѣдь эта поэма привлекаетъ не только поэтическими достоинствами, интересна не только съ исторической точки зрѣнія. Нѣтъ, какъ мы пытались показать въ другомъ мѣстѣ, Данте до сихъ поръ можно читать не для одного эстетическаго или умственнаго наслажденія: онъ до сихъ поръ имѣетъ значеніе, какъ учитель жизни. Данте — философъ и моралистъ, который будитъ высокія настроенія и чувства. Основныя свои идеи Данте проводитъ и въ цѣломъ, и въ мелкихъ подробностяхъ, и потому его нельзя изучать кое-какъ, по неточному переводу, какъ нельзя и совершенно безполезно читать Джіордано Бруно или Фихте въ приблизительномъ пересказѣ. Небрежная передача позволитъ усвоить только обрывки системы Данте, а цѣлый образъ рискуетъ затеряться среди ненужныхъ домысловъ, неточностей и ошибокъ. Несовершенный переводъ Божественной Комедіи потому мало полезенъ, что почерпать мудрость жизни можно только изъ прозрачнаго, незатемненнаго источника.

Наконецъ, говоря о трудностяхъ перевода Дантовой поэмы, нельзя не отмѣтить и той, что она написана стихами. Какъ переводить Божественную Комедію? Если прозой, то кто-же станетъ читать этотъ переводъ? Развѣ только тѣ, кто гонится за самымъ точнымъ усвоеніемъ текста. Такіе поклонники и любители предпочтутъ выучиться по итальянски. А если переводить стихами, то неточности и несоотвѣтствія двухъ языковъ, въ связи съ нѣкоторыми другими промахами, почти неизбѣжно обратятъ переводъ въ механическую копію. Тогда во множествѣ мелкихъ недочетовъ утеряется основная мысль поэмы, объединяющая богатое разнообразіе ея частей: останутся эпизоды, не будетъ Divina Commedia. И такъ ни проза, ни стихи.... Что же остается? Или добросовѣстное чтеніе подлинника, или переводъ въ стихахъ, совершенный съ полнымъ знаніемъ дѣла, вдохновленный собственнымъ поэтическимъ талантомъ.

Обратимся теперь къ переводу г-жи Чюминой.

II.

Г-жа Чюмина начинаетъ со вступительной статьи, которая помѣщена на стр. V—XIV перваго выпуска. Такая статья необходима въ каждомъ изданіи Данте, оригинальномъ или переводномъ, какъ необходимы и комментаріи къ отдѣльнымъ мѣстамъ[1]). Нетрудно и составить такую статью. Есть, и останутся, вѣроятно, такими навсегда, темные эпизоды въ Божественной Комедіи. Есть и въ литературной исторіи поэмы нѣкоторыя частности, еще не достаточно освѣщенныя. Въ «рѣкѣ временъ» безвозвратно погибли многія данныя о жизни и личности поэта и т. д. Но руины сохранившагося настолько еще велики, настолько хорошо изслѣдованы, что краткій очеркъ, подводящій итоги ученой работы о Данте, выполнимъ безъ особаго напряженія. Его автору вовсе не надо обладать знаніемъ всѣхъ деталей и мелочей т. н. дантологіи; достаточно обратиться къ большимъ и малымъ работамъ суммирующаго характера. Мы разумѣемъ Скартаццини, Крауса, Федерна, Моора, Цингарелли и др., у которыхъ найдется достаточно матеріала для объяснительной статьи. Необходимо только одно: статья не должна повторять о Данте и его поэзіи того, что уже давно оставлено всѣми. Легко опредѣлить и желаемое содержаніе такого очерка. Само собою разумѣется, біографія Данте, современное положеніе Европы, свѣдѣнія по исторіи Флоренціи и т. д. Во всемъ этомъ, конечно, должно отличать легенду отъ достовѣрныхъ данныхъ. Но это еще не все. Извѣстно, что главное произведеніе Данте — послѣднее звено длинной цѣпи развитія, личнаго и литературнаго. Мало растолковать символику Божественной Комедіи въ цѣломъ и по частямъ: внѣ связи съ другими, болѣе ранними, произведеніями Данте эта поэма мало понятна. Всякая вступительная статья къ переводу

1) Въ нашемъ разборѣ мы не касаемся примѣчаній, которыми снабженъ переводъ г-жи Чюминой: повидимому, они составлены другимъ лицомъ.

Божественной Комедіи должна познакомить читателя съ Vita Nuova, Il Convivio и De Monarchia, показать, какъ изъ сочетанія элементовъ, заключающихся въ этихъ произведеніяхъ, и создалась великая эпопея.

Мы не думаемъ, чтобы предисловіе г-жи Чюминой отвѣчало всѣмъ этимъ требованіямъ. Оно не обнаруживаетъ достаточнаго знакомства съ литературой предмета и даетъ не вполнѣ точное представленіе о сущности поэмы Данте и ея исторіи. Есть, наконецъ, промахи и въ самомъ изложеніи. Мы не можемъ вдаваться въ подробную критику предисловія, тѣмъ болѣе, что центръ тяжести работы г-жи Чюминой лежитъ не въ немъ. Ограничимся нѣсколькими указаніями.

Напр., г-жа Чюмина повторяетъ старую, почти всѣми отвергнутую, басню о томъ, что Данте былъ одно время ученикомъ Брунетто Латини. Откуда также извѣстно ей, что Латини былъ профессоромъ болонскаго университета, и что Данте посѣщалъ этотъ университетъ (стр. VII)? Въ разсказѣ о любви Данте къ Беатриче г-жа Чюмина не различаетъ правды и поэзіи, безъ малѣйшихъ оговорокъ пользуясь свѣдѣніями, которыя сообщаетъ Боккаччіо. А что̀ достовѣрнаго, на самомъ дѣлѣ, знаемъ мы о Беатриче Данте, какъ дѣйствительно существовавшей женщинѣ? Почти ничего. Не будемъ говорить о мелкихъ неточностяхъ въ разсказѣ объ этомъ періодѣ въ жизни Данте (напр. о дамѣ, съѣдающей сердце Данте, ср. стр. VII), а, идя дальше, скажемъ, что не болѣе удачны замѣчанія о политической жизни Флоренціи въ эпоху Данте, и незадолго до него. Изложеніе здѣсь путанное, а иногда и прямо невѣрное. По свѣдѣніямъ, которыя находятся на стр. IX—X, трудно составить ясное представленіе о реформахъ Guido Novella, Giano della Bella, о роли пріоровъ, о распаденіи партіи гвельфовъ на бѣлыхъ и на черныхъ, и даже о политической дѣятельности самого Данте. Можно-ли, напримѣръ, сказать, что поведеніе Бонифація VIII показало Данте неосновательность гвельфской системы? Какую-же роль въ «обращеніи» Данте сыграла въ такомъ случаѣ compagnia malvaggia

e scempia? Гдѣ и когда Данте гордо объявилъ, что создастъ изъ одного себя свою партію и «самъ будетъ себѣ союзникомъ»? Говоря о такомъ важномъ эпизодѣ, какъ походъ Генриха VII на Римъ, г-жа Чюмина ограничивается нѣсколькими строчками, но за то цитируетъ, вѣроятно, подложное, письмо Данте, написанное въ отвѣтъ на приглашеніе покаянно вернуться во Флоренцію (стр. XI—XII). Въ разсказѣ о сношеніяхъ Данте и Джіованни дель Вирджиліо допущена грубѣйшая ошибка, будто къ Данте въ Равенну пріѣхалъ поэтъ «Джіованни де Виргилій» съ приглашеніемъ отправиться въ Болонью (стр. XII).

Не болѣе удовлетворительна и та часть предисловія, которая трактуетъ о произведеніяхъ Данте. Не говоримъ уже о томъ, что г-жа Чюмина считаетъ возможнымъ посвятить имъ менѣе $1^1/_2$ страницъ. Краткость эта можетъ быть возмѣщена обиліемъ комментаріевъ къ отдѣльнымъ пѣснямъ и эпизодамъ. Но читатель не находитъ и генетическаго объясненія всей литературной дѣятельности Данте, которое, по нашему мнѣнію, единственно правильное. Каждая работа Данте поставлена отдѣльно, внѣ связи общаго развитія личности и поэзіи. Но, и въ отдѣльности, можно-ли ограничиваться напр. о Il Convivio слѣдующими словами: «Позднѣе, въ своемъ сочиненіи Convito (Пиръ), гдѣ восторженно восхваляется философія, Данте отожествилъ свою вторую любовь или, какъ онъ ее называетъ, Madonna la Filosofia, съ предметомъ аллегорій Пира» (VIII)? Vita Nuova г-жа Чюмина пользуется только, какъ источникомъ для біографіи поэта, почти ничего не говоря о ея значеніи въ литературной жизни Данте. Такъ-же мало г-жа Чюмина знакомитъ читателя и съ политическимъ трактатомъ Данте De Monarchia. Совершенно опущенъ il Canzoniere, хотя упомянутъ сомнительный трактатъ De aqua et terra. Не безукоризненными кажутся намъ и замѣчанія о Божественной Комедіи. Правда, основные элементы поэмы — морально религіозный, политическій и личный—опредѣлены вѣрно. Но умѣстно-ли выраженіе, что «кромѣ этого значенія (т. е. морально-религіознаго) Божественная Комедія *затрагиваетъ* еще и

политическую сторону»? (стр. XIV). Правда-ли, что въ первыхъ кругахъ Ада находятся грѣшники, про которыхъ можно сказать: ихъ грѣхъ не унижаетъ ихъ, но они все-таки должны *искупить* его? Въ итогѣ, мы не думаемъ, что-бы предисловіе г-жи Чюминой достигало своей цѣли. Въ новомъ изданіи его необходимо переработать въ соотвѣтствіи съ современнымъ состояніемъ науки о Данте и устранить нѣкоторые промахи изложенія.

III.

Въ своемъ переводѣ г-жа Чюмина не соблюдаетъ размѣра подлинника: вмѣсто терцинъ съ ихъ строго-замкнутымъ и желѣзнымъ построеніемъ передъ нами пяти и шестистопный (въ Раѣ) ямбъ, риѳмованный, но безъ опредѣленнаго порядка. Мы боимся рѣшительно высказать свое мнѣніе, но намъ кажется, что этотъ видъ ямба мало свойственъ русскому языку. Во всякомъ случаѣ, это обстоятельство до извѣстной степени уменьшаетъ достоинство перевода г-жи Чюминой, особенно если припомнить превосходный переводъ Мина, гдѣ сохраненъ размѣръ подлинника. Вмѣсто сжатаго, лапидарнаго стиля Данте у г-жи Чюминой очень часто вялые, растянутые стихи. Но повторяемъ, небудучи поэтомъ, мы боимся вдаваться въ тонкую область метрики и соотвѣтствія размѣровъ. Достаточно отмѣтить, что размѣръ подлинника не соблюденъ. Это позволяетъ примѣнить къ переводу гораздо болѣе строгія требованія: вѣдь г-жа Чюмина не была стѣснена стихотворной формой, и къ ея услугамъ было все богатство русскаго языка, все разнообразіе комбинацій, допускаемыхъ ямбомъ съ вольною разстановкою риѳмъ. Отмѣтимъ же то, что мы считаемъ промахами г-жи Чюминой.

а) *Стихосложеніе.* И здѣсь ихъ приходится указать довольно много. То размѣръ не выдержанъ съ достаточнымъ напряженіемъ, такъ что метрическая природа стиха едва замѣтна. То звуковыя сочетанія, входящія въ составъ стиха, представляются недостаточно гармоническими. То, наконецъ, самая струк-

тура стиха вялая и безжизненная. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Рай XVI, 69.

Къ паденью пришли, и гаснутъ безъ слѣда.

Чистилище, IX, 134.

Не два, а три *сіяющія ока*.

Адъ V, 96.

Мнѣ въ томъ краю *родиться рокъ* судилъ.

Чистилище I, 67.

Ведомые *сіявшимъ свыше свѣтомъ*.

b) *Построеніе фразъ, синтактическіе промахи, неправильные обороты* и т. д. Въ этой области г-жа Чюмина не всегда на должной высотѣ. Посреди ея рѣчи, въ общемъ правильной и плавной, попадаются обороты рѣзкіе и неуклюжіе, которыхъ мы не желали-бы видѣть въ переводѣ столь величественнаго и выдержаннаго произведенія, какъ Божественная Комедія. Какъ-то странно слышать въ устахъ Данте, Вергилія, Беатриче или кого-нибудь изъ обитателей загробнаго міра, отзвуки современной, иногда вовсе не изящной рѣчи. Напр. Адъ V, 64 и слѣд.

Я состраданье въ сердцѣ ощутилъ
Безмѣрное, узнавъ въ собраньи этомъ
Мнѣ названныхъ по имени поэтомъ
Такъ много славныхъ рыцарей и женъ.

Нѣсколько ниже —

Наставникъ мой, дозволишь-ли со словомъ
Участія ты обратиться мнѣ
Вонъ къ той четѣ, парящей въ вышинѣ.

Рѣчь, какъ извѣстно, идетъ о Франческѣ и Паоло. Вергилій отвѣчаетъ:

останови
Ихъ именемъ связавшей ихъ любви.

Попадаются и два творительныхъ падежа рядомъ, обычная безграмотность современной русской книги. Напримѣръ, Чистилище XII, 65 — 66.

Вергилій шелъ опасной стороной
Надъ бездною, зіявшей глубиной.

Чистилище I, 59, *per sua follia* переведенъ — *Благодаря* его дѣяньямъ безразсуднымъ. Едва-ли *благодаря* здѣсь на мѣстѣ. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ такихъ некрасивыхъ стиховъ изъ Рая, который — отмѣтимъ кстати — вообще переведенъ лучше Ада и Чистилища; XIX, 131 — 132.

Который совершилъ презрѣннѣйшій скупецъ,
Имѣющій престолъ на островѣ вулкановъ.

XXI, 103.

Я холодъ выносилъ съ жестокою жарой.

XXII, 139—142.

Воспламененною Латоны дщерь предстала
Лишенной тьми той, которая дала
Мнѣ поводъ заключать о томъ, что состояла
Она изъ плотныхъ тѣлъ и жидкихъ.

Но обозначенныя группы промаховъ не самыя существенныя. Важнѣе то, что г-жа Чюмина порою очень вольно обращается съ самымъ текстомъ поэмы. Дѣйствительно

с) *пропуски и сокращенія* въ ея переводѣ настолько часты, что нѣтъ возможности перечислить хотя-бы самые главные изъ нихъ: г-жа Чюмина производитъ ихъ щедрою рукой. Иногда трудно понять, что было причиной напр. того или другого пропуска, потому что не руководилась же г-жа Чюмина постояннымъ

желаніемъ облегчить себѣ работу, вовсе не переводя трудныхъ мѣстъ. Иной разъ приходитъ въ голову, что переводъ сдѣланъ не прямо съ итальянскаго, и что между г-жей Чюминой и Данте стоялъ какой-то отдаленный пересказъ, сдѣланный на третьемъ языкѣ. Г-жа Чюмина выпускаетъ цѣлыя фразы, иногда заключающія законченную мысль, иногда служащія только для перехода и связи отдѣльныхъ эпизодовъ и аргументовъ. Нерѣдко исчезаютъ въ переводѣ столь поэтическія сравненія Данте, звучные и полные смысла эпитеты, чудныя лирическія изліянія и т. д. Повторяемъ, перечислить всѣхъ промаховъ и недосмотровъ г-жи Чюминой въ этой области невозможно. Напр. въ IV-ой пѣсни Чистилища такихъ произвольныхъ сокращеній текста—10; въ XX-ой — 7; въ XXVI-ой, которая, по нашему мнѣнію, переведена лучше другихъ,—7 и т. д. Въ II-ой пѣснѣ Ада, которая такъ важна для пониманія всей поэмы, цѣлыхъ 9.

Но сокращая и урѣзывая текстъ, г-жа Чюмина не менѣе щедро прибавляетъ къ нему отдѣльныя слова, и даже цѣлыя фразы. И очень часто это дѣлается для того, чтобы соблюсти размѣръ, дать необходимую риѳму и т. д. Подобнаго рода chevilles, большею частью малозначащія и даже вовсе не подходящія слова, портятъ переводъ г-жи Чюминой, дѣлаютъ его водянистымъ и иногда вульгарнымъ. Само собою понятно, что эти прибавки не служатъ къ выясненію или украшенію Дантова текста. Особою симпатіей переводчицы пользуются слова вродѣ— непзбѣжно, неизмѣнно, неуклонно и т. д. Довольно обычное явленіе, что одному стиху подлинника соотвѣтствуютъ въ переводѣ два или три. Попадаются слова и стихи, на которые рѣшительно ничто въ подлинникѣ не намекаетъ. Напр. въ Чистилищѣ II, 74 —

О призраки, доступные для зрѣнья!

Трудно догадаться, что̀ соотвѣтствуетъ этимъ словамъ въ подлинникѣ. Нѣсколько ниже въ той же пѣсни, ст. 79—80

и обнималъ
лишь воздухъ я.

И этихъ словъ въ подлинникѣ не имѣется. Въ Чистилищѣ IV, 4—5

Раздвоиться не можетъ
У насъ душа.

И эту фразу безполезно искать въ итальянскомъ текстѣ. Приведемъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ: въ IX-ой пѣсни Чистилища прибавленій — 11; въ XIV-ой—4; въ XXII пѣсни Рая — 5 и т. д.

d) Не менѣе велико число *неточностей*. Онѣ — самое больное мѣсто перевода и всего чаще возбуждаютъ мысль о какомъ-то посредникѣ между переводчицей и Данте. Перечислить ихъ всѣ заняло-бы слишкомъ много времени и мѣста; затруднительно назвать даже главнѣйшія изъ нихъ. Иногда эти неточности безобидныя, не нарушающія смысла; иногда, напротивъ, онѣ придаютъ поэмѣ Данте особый отпечатокъ, нарушаютъ ея строгое единство и гармонію. Возьмемъ напр. XI-ую пѣснь Чистилища. Стихи 31—33 читаются въ подлинникѣ —

Se di là sempre ben per noi si dice,
Di quà che dire e far per lor si puote
Da quei c'hanno al voler buona radice.

У г-жи Чюминой они переданы —

О если такъ за насъ они молились,
То какъ за нихъ должны молиться тѣ,
Кто самъ стоитъ на должной высотѣ!

Въ переводѣ пропущено противупоставленіе двухъ міровъ— здѣшняго и загробнаго,—выраженное у Данте словами di quà — di là. Кромѣ того «стоитъ на должной высотѣ» едва ли соотвѣтствуетъ словамъ подлинника — Da quei c'hanno al voler buona

radice. Въ той же самой пѣсни, ст. 76—78, которые читаются —

E videmi e conobbemi e chiamava
Tenendo gli occhi con fatica fisi
A me che tutto chin con loro andava,

переданы у г-жи Чюминой —

и я, вглядѣвшись ближе
Въ знакомыя, усталыя черты,
Узналъ ее.

Рѣчь идетъ о живописцѣ Одеризи да Губбіо. У Данте, какъ и подобаетъ, активная роль при встрѣчѣ принадлежитъ Одеризи, который всматривается и узнаетъ поэта, подобаетъ потому, что Данте идетъ съ опущенной головой (tutto chin andava). Г-жа Чюмина перемѣняетъ роли, и получается невозможное положеніе. Въ третьей пѣсни Чистилища (ст. 112 и слѣд.) Манфредъ, король Сициліи, обращается къ Данте со слѣдующей просьбой:

Ond'io ti prego che, quando tu riedi,
Vadi a mia bella figlia, genitrice
Dell' onor di Cicilia e d'Arragona,
E dichi a lei il ver s'altro si dice.

Г-жа Чюмина переводитъ —

земную
Не кончивъ жизнь, вернешься ты въ родную—
Италію.

Въ русской передачѣ слова Манфреда какъ-бы получаютъ характеръ предсказанія. Въ подлинникѣ сказано безъ всякихъ обиняковъ — quando tu riedi, т. е. когда ты вернешься. Въ той же самой пѣсни послѣдній стихъ

Chè qui per quei di là molto s'avanza

переданъ у г-жи Чюминой

молитвы ихъ бываютъ намъ отрадны.

Дѣло не въ отрадѣ, а въ томъ, что молитвы живыхъ сокращаютъ срокъ пребыванія въ преддверіи Чистилища. Здѣсь сильно подвигаемся впередъ молитвами тѣхъ, кто тамъ, т. е. на землѣ — вотъ точная передача смысла итальянскаго стиха.

е) За неточностями слѣдуетъ *невѣрный переводъ* словъ, стиховъ и цѣлыхъ фразъ. Чистилище XXIX, ст. 59—60

all' alte cose
che si moveano incontra a noi si tardi,
che foran vinte da novelle spose,

у г-жи Чюминой —

Свѣтильники къ намъ приближались плавно,
Напомнивъ мнѣ походку юныхъ женъ.

Вѣрный переводъ былъ бы: (онѣ) двигались на встрѣчу намъ такъ медленно, что быстротою ихъ побѣдили бы даже *молодыя*. Далѣе, ст. 63-й —

E ciò che vien di retro a lor non guardi

у г-жи Чюминой переведенъ

Не видишь ты того, что въ немъ сокрыто.

24 старца, о которыхъ рѣчь въ этомъ стихѣ, идутъ не *въ свѣтильникахъ*, а *за ними*. Въ пѣсни XXX, стихъ 100-й

Ella, pur ferma in su la detta coscia,

т. е. она, стоя твердо на краю колесницы, у г-жи Чюминой—

Тутъ Беатриче, *выступивъ впередъ*.

Адъ VIII, 76—

Noi pur giugnemmo dentro all' alte fosse

т. е. мы дошли до глубокихъ рвовъ, у г-жи Чюминой —

Достигнувъ адскихъ вратъ.

Объ адскихъ вратахъ рѣчь шла много раньше!

f) Сокращая и растягивая текстъ Данте, иногда переводя его невѣрно и неточно, г-жа Чюмина не можетъ, конечно, избѣгнуть и нѣкоторой *неясности* въ своей передачѣ. И за это читатель не поблагодаритъ: въ текстѣ Данте довольно и собственной темноты. Особенно много неясностей получается оттого, что г-жа Чюмина не заботится о точной передачѣ подлинника. При чтеніи ея работы постоянно приходится отмѣчать: неясно, потому что неточно. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Адъ VIII, 52 и слѣд. Данте высказываетъ желаніе, что бы Филиппо Ардженти потонулъ прежде, чѣмъ они перейдутъ мутныя воды —

Maestro, molto sarei vago
Di vederlo attuffare in questa broda
Prima che noi uscissimo del lago.

Въ переводѣ —

Но *прежде, чѣмъ достигнемъ мы конца* —
Промолвилъ я — *паденье гордеца*
Увидимъ-ли, чья тѣнь въ геенну канетъ.

Какое паденье? Какая геена? Какого конца достигнутъ путники? Все это неясно, потому что неточно соотвѣтствуетъ тексту. Въ Чистилищѣ, XXIV, 16—18, Данте влагаетъ въ уста Форезе Донати —

Qui non si vieta
Di nominar ciascun, da ch'è si munta
Nostra sembianza via per la dieta.

т. е. здѣсь не воспрещается называть каждаго по имени, по-

тому что голодъ почти уничтожилъ нашъ обликъ. Не назовешь человѣка, его нельзя будетъ узнать: мысль простая и яспая. У г-жи Чюминой стоятъ не вполнѣ понятные стихи —

Но голодъ здѣсь такъ искажаетъ сходство,
Что всѣхъ могу назвать передъ тобой.

Послѣ первой строчки мы ожидали бы услышать: я никого не могу назвать здѣсь. Въ другихъ случаяхъ неясность зависитъ отъ пропусковъ, растянутости или невѣрнаго перевода, но мы уже не станемъ болѣе приводить примѣровъ.

IV.

Таково общее впечатлѣніе отъ перевода г-жи Чюминой. Остановимся теперь нѣсколько болѣе подробно на эпизодѣ съ Каччьягвидой, котораго г-жа Чюмина напрасно называетъ Каччьягвиди. Встрѣча съ предкомъ описана въ пѣсняхъ XV—XVII Рая. Каччьягвида находится на планетѣ Марсъ вмѣстѣ съ другими подвижниками за вѣру. Между прочимъ Кагчьягвида произноситъ три длинныя тирады — о старой Флоренціи, о Флоренціи современной, и объ изгнаніи, которое выпадетъ на долю Данте. Первый отрывокъ соотвѣтствуетъ стихамъ 97—129 XV-ой пѣсни. Г-жа Чюмина передаетъ эту тираду въ 37 стихахъ своего перевода. Можно указать у ней 7 неточностей и 3 некрасиво переведенныхъ мѣста. Стихи 97—99 у Данте—

Fiorenza, dentro dalla cerchia antica,
Ond'ella toglie ancora e terza e nona,
Si stava in pace sobria e pudica.

т. е., Флоренція въ своихъ древнихъ стѣнахъ, откуда и нынѣ раздается ударъ колокола въ третій и девятый часъ, жила мирно, умѣренно и стыдливо. Рѣчь идетъ о старинной церкви (La Badia), стоявшей на древнихъ стѣнахъ Флоренціи; въ этой церкви колоколъ ударялъ третій, девятый и всѣ прочіе часы, по которымъ и рас-

предѣлялась жизнь города. У г-жи Чюминой стоитъ нѣсколько иначе —

Въ тѣ дни Флоренція простую жизнь вела
Подъ сѣнью той стѣны, гдѣ въ третьемъ и девятомъ
Часу сзывали весь народъ колокола
Къ молитвѣ и труду.

Минуя другія неточности въ стихахъ 101 — 102, 108, 112—114, 116—117 и 123, отмѣтимъ некрасивые стихи:

И не былъ превзойденъ въ то время Монтемало
Учелламойею въ величьи и красѣ;
Лишь о веретенѣ заботились и пряжѣ;
Про Фіезоле рѣчь за прялкою вели.

Въ XVI-ой пѣсни ст. 34 — 154 Каччьягвида продолжаетъ рѣчь о Флоренціи, о знатныхъ, нѣкогда процвѣтавшихъ фамиліяхъ, о паденіи города и т. д. Этотъ отрывокъ одинъ изъ наиболѣе слабыхъ въ передачѣ г-жи Чюминой. Здѣсь можно насчитать болѣе 20 неточностей, около 17 невѣрно переведенныхъ мѣстъ, многочисленныя сокращенія и прибавки. Укажемъ нѣсколько невѣрно переданныхъ стиховъ. Въ эпоху Каччьягвиды жителей во Флоренціи было въ пять разъ меньше, чѣмъ въ 1300 г., когда происходилъ разговоръ Данте и Каччьягвиды. Это высчитывается тѣмъ соображеніемъ, что при Каччьягвидѣ было въ пять разъ меньше людей, способныхъ носить оружіе, чѣмъ при Данте. Стихи 46—48 читаются

Tutti color ch'a quel tempo eran ivi
Da poter arme, tra Marte e il Batista,
Erano il quinto di quei che son vivi.

У г-жи Чюминой —

Всѣ тѣ, кто могъ ходить съ оружьемъ на враговъ
И оставался твердъ предъ грознымъ ихъ напоромъ,

Тѣ были пятою лишь частью горожанъ;
Стояли домы ихъ межъ Марсомъ и Соборомъ.

Пятою частью какихъ горожанъ: теперешнихъ или тогдашнихъ? Что значитъ: межъ Марсомъ и Соборомъ? Въ этихъ предѣлахъ жили древніе воины Флоренціи, или это просто граница стараго города? Передача этихъ строкъ у г-жи Чюминой и неточна, и неясна, и невѣрна. Вспоминая старинныхъ обитателей Флоренціи, Каччьягвида между прочимъ называетъ фамилію Равиньяни (i Ravignani), которые жили у воротъ св. Петра —

Sopra la porta
Erano i Ravignani ст. 94—97.

По переводу выходитъ, что

Въ тѣ годы изъ той высокой двери
Явились..... когда-то Равиньяни.

Далѣе Каччьягвида говоритъ, что всѣ знатные, происходившіе отъ Гуго Великаго, имъ же были посвящены въ рыцарское достоинство (ст. 127—130). У г-жи Чюминой

Всѣ дворяне той земли
Отъ славнаго Гуго барона родъ вели.

Въ подлинникѣ такъ ясно:

Da esso ebbe milizia e privilegio!

Въ XVII-й пѣсни, которая переведена значительно лучше двухъ предыдущихъ, Каччьягвида предсказываетъ Данте его судьбу (ст. 43—92). Это едва-ли не самые извѣстные стихи изъ всего произведенія: какой писатель, какой ораторъ не цитировалъ ихъ! Поэтому здѣсь мы вправѣ требовать отъ переводчика наибольшаго старанія и внимательности. И ожиданія наши почти обмануты г-жей Чюминой! Въ пятидесяти строкахъ у ней 11 неточностей, 3 прибавки, 1 сокращенье, 4 некрасивыхъ стиха и

1 невѣрно переведенное мѣсто. Стихи о ничтожныхъ спутникахъ Данте —

E quel che più ti graverà le spalle
Sarà la compagnia malvaggia e scempia,
Con la qual tu cadrai in questa valle,
Che tutta ingrata, tutta matta ed empia
Si farà contra te; ma poco appresso
Ella, non tu, n'avrà rossa la tempia.
Di sua bestialitate il suo processo
Farà la prova, si che a te fia bello
Averti fatta parte per te stesso.

у г-жи Чюминой —

Но будетъ *бременемъ несноснѣйшимъ изъ всѣхъ*
Собраніе людей *пустыхъ и тупоумныхъ*;
Они, *за доброту отплачивая зломъ*,
Возстанутъ на тебя въ стремленіяхъ безумныхъ,
Но съ окровавленнымъ останутся челомъ (?).
Ихъ грубость худшее для нихъ же осужденье,
По счастію отъ нихъ ты будешь въ отдаленьи.

Стихи о чужомъ хлѣбѣ и чужой лѣстницѣ —

Tu proverai si come sa di sale
Lo pane altrui, e com'è duro calle
Lo scendere e il salir per l'altrui scale —

у г-жи Чюминой —

И ты извѣдаешь, какъ хлѣбъ чужой намъ солонъ,
И какъ дорога намъ бываетъ тяжела
По лѣстницамъ чужимъ, когда печали полонъ
Спускаться долженъ ты и восходить по нимъ.

V.

Мы полагаемъ, что на предыдущихъ страницахъ собрано достаточно матеріала, чтобы судить о переводѣ г-жи Чюминой. По-

этому считаемъ излишнимъ останавливаться на анализѣ другихъ пѣсенъ поэмы, особо важныхъ для ея пониманія. (Напр. Адъ I—II, послѣднія пѣсни Чистилища и т. д.). Мы читали переводъ г-жи Чюминой съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, но впечатлѣніе было вездѣ одинаковое, не вполнѣ благопріятное для переводчицы. Не хотимъ, однако, огульно осуждать ея работу. Справедливость требуетъ указать, что есть не мало мѣстъ, переданныхъ и близко къ подлиннику, и изящно. Есть цѣлыя пѣсни, переведенныя значительно лучше другихъ: напр. Рая XVIII, XIX, XX, XXI, Чистилища пѣснь XXVI-ая и т. д. Есть много удачныхъ переводовъ отдѣльныхъ стиховъ и тирадъ. Напр. Чистилища XXVII, 109—111

Забрежжило межъ тѣмъ зари мерцанье,
Которое тѣмъ путнику милѣй,
Чѣмъ ближе онъ къ родной землѣ своей.

И такихъ недурныхъ мѣстъ можно было бы указать очень много.

Да и вообще не слѣдуетъ забывать мудраго изрѣченія—

Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas.

Чтобы приняться за переводъ Божественной Комедіи и выполнить его, нужны рѣшимость, огромное прилежаніе и любовь къ поэзіи. Нуженъ и литературный талантъ. Переводъ можетъ выйти не всегда удачнымъ, но затрата силъ и энергіи никогда не теряется вполнѣ. Г-жа Чюмина даетъ читателю неточный образъ великаго поэта, но очень и очень многое о трехъ царствахъ загробнаго міра можно узнать и при ея посредствѣ. Вотъ почему мы полагаемъ что Академія поступитъ вполнѣ справедливо, признавъ работу г-жи Чюминой *достойной почетнаго отзыва.*

Приватъ-доцентъ С.-Петерб. Университета
Д. К. Петровъ.

Озерки 25/26 Августа 1905.

III.

Эдуардъ III. Историческая хроника въ 5-ти дѣйствіяхъ, приписываемая Шекспиру. Переводъ В. С. Лихачева.

«Эдуардъ Третій» произведеніе настолько безъискусственное и безхитростное, что его удовлетворительный переводъ былъ бы подъ силу и заурядному переводчику. Но г. Лихачевъ взялся за дѣло съ большимъ вниманіемъ и выполнилъ задачу превосходно. Наивный и балаганный характеръ подлинника воспроизведенъ переводомъ вполнѣ, такъ что переводъ при чтеніи оставляетъ совершенно такое же впечатлѣніе, какъ подлинникъ — лучшая похвала для перевода. Сдѣланъ онъ очень точно, часто слово въ слово и строка въ строку. Сколько нибудь крупныхъ уклоненій не обнаруживаетъ даже кропотливое и придирчивое сличеніе съ оригиналомъ. Но и мелкихъ недочетовъ не много. Впрочемъ, если бы ихъ было и больше, имъ нельзя было бы придавать значенія, такъ какъ оригиналъ скуденъ художественными достоинствами, въ общемъ есть лишь реторическое упражненіе очень невзыскательнаго вкуса, а мѣстами (напр. д. I, сц. 1, ст. 111 сл.; д. II, сц. 2, ст. 432 сл.[1]) даже простой наборъ едва связанныхъ между собою фразъ, и поэтому мелочныя отступленія при передачѣ подобнаго произведенія не могутъ замѣтно измѣнить его ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ. Тамъ, гдѣ въ подлин-

1) Цитата по изданію King Edward III, revised and edited etc. by K. Warnke and L. Proescholdt, Halle, 1886.

нпкѣ видно притязаніе на художественность, переводъ идетъ совершенно въ уровень съ оригиналомъ. Примѣромъ можетъ служить хотя бы передача слѣдующаго мѣста, быть можетъ, самаго красиваго въ произведеніи (д. I, сц. 2, ст. 141—161):

Let not thy presence, like the Aprill sunne,
Flatter our earth, and sodenly be done.
More happe do not make our outward wall,
Then thou wilt grace our inner house withall.
Our house, my liege, is like a Country swaine,
Whose habit rude and manners blunt and playne
Presageth nought; yet inly beautified
With bounties riches and faire hidden pride.
For, where the golden Ore doth buried lie,
The ground, vndeckt with natures tapestrie,
Seemes barrayne, sere, vnfertill, fructles, dry;
And where the vpper turfe of earth doth boast
His pide perfumes and party — colloured cost,
Delue there, and find this issue and their pride
To spring from ordure and corruptions side.
But, to make vp my all too long compare,
These ragged walles no testimonie are,
What is within; but, like a cloake, doth hide
From weathers Waste the vnder garnisht pride.
More gratious then my tearmes can, let thee be:
Intreat thy selfe to stay a while with mee.

Г. Лихачевъ переводитъ это мѣсто такъ:

Не будь же, государь, апрѣльскимъ солнцемъ,
Что землю приласкаетъ и исчезнетъ!
Наружныхъ стѣнъ коснулся отблескъ твой —
Такъ пусть же онъ и внутреннихъ коснется.
Нашъ домъ на простолюдина похожъ:
Подъ грубой, неприглядной оболочкой,

Такъ мало обѣщающей, таится
Сокровищница доблести завѣтной.
Гдѣ золото въ землѣ погребено,
Тамъ почва лишена красы природной,
И кажется засохшей и безплодной;
А гдѣ благоуханной пестротой
Тщеславится земля — снимите слой:
Увидите, что все ея цвѣтенье —
Гніющихъ нечистотъ произведенье.
Безъ дальнихъ словъ, по виду стѣнъ моихъ
Нельзя судить о внутренности ихъ;
Какъ въ непогоду плащъ, онѣ защитой
Лишь служатъ для красы, за ними скрытой.
Такъ помоги же мнѣ, властитель мой,
Склонить тебя чтобъ побылъ ты со мной!

Если бы не было необычнаго ударенія простолю́дина, переводъ нельзя было бы не признать безукоризненнымъ.

Никакой растянутости, столь частой въ русскихъ переводахъ, у г. Лихачева не замѣчается, а иногда, напротивъ, переводчикъ выражается короче, чѣмъ англійскій авторъ, такъ что въ переводѣ порой строкъ меньше, чѣмъ въ подлинникѣ (напр. д. III, сц. 4, ст. 43—53, въ подлинникѣ 11 стиховъ, въ переводѣ—9).

Съ формальной стороны можно поставить въ укоръ переводчику тяжеловатый слогъ, но при простомъ содержаніи этотъ недостатокъ мало бросается въ глаза. Другой недостатокъ тотъ, что переводчикъ не всегда считаетъ нужнымъ подражать любимой затѣѣ автора заканчивать при случаѣ однимъ и тѣмъ же словомъ нѣсколько стиховъ подрядъ. Эту затѣю г. Лихачевъ вполнѣ воспроизвелъ въ двухъ мѣстахъ — въ дѣйствіи II, сц. 1, въ словахъ Эдуарда (ст. 155, сл.): And let me have her likened to the sun etc. и въ словахъ графини (ст. 222 сл.) If on my beauty etc., но оставилъ безъ вниманія не менѣе яркій образецъ въ томъ же дѣйствіи, сц. 1, въ монологѣ Людовика: If she did

blush, twas tender modest shame etc., (ст. 14 сл.), а также въ дѣйствіи IV, сц. 4 въ словахъ принца (ст. 149, сл.): Ah, good oldeman etc., гдѣ нѣсколько разъ поставлены въ концѣ стиха life и death, и не вполнѣ воспроизвелъ въ отвѣтѣ графини въ дѣйствіи II. сц. 1: As easie may etc. (ст. 235, сл.).

За то г. Лихачевъ отлично передаетъ другія изощренія автора. Нельзя, напримѣръ, не признать очень удачно переведенными слѣдующія мѣста:

(д. II, сц. 1, ст. 151—153):

I did not bid thee talke of chastitie,
To ransack so the treasure of her minde:
For I had rather haue her chased, then chast.

Г. Лихачевъ переводитъ такъ:

Скромнѣй! Я не велѣлъ тебѣ копаться
Въ ея душѣ. Мнѣ было бы пріятнѣй
Скоромницу, чѣмъ скромницу въ ней видѣть.

Тоже дѣйствіе, сц. 2 (ст. 31—34):

Audley. I haue, my liege leuied those horse and foote
According to your charge, and brought them hither.
King. Then let those foote trudge hence vpon those horse
According to our discharge, and be gone.

Въ переводѣ г. Лихачева:

Одлей. По вашему приказу, и пѣхота
И конница готовы, государь.
Эдуардъ. По нашему отказу, пусть пѣхота
На четырехъ ногахъ обратно скачетъ.

Пропускъ въ переводѣ сдѣланъ г. Лихачевымъ только одинъ. Въ д. I, сц. 1, въ словахъ Эдуарда (передъ входомъ Монтегю) пропущена фраза: Now, Lords, our fleeting Barke is vnder sayle (ст. 118).

Наоборотъ, въ д. III, сц. 2, въ словахъ 2-го француза (ст. 5, сл.) переводчикъ отъ себя прибавляетъ:

не переѣлъ бы
Насъ лютый Эдуардъ, какъ волкъ барановъ.

Вставка эта, однако, вызвана желаніемъ передать игру словъ подлинника:

One. What, is it quarter-daie that you remoue
And carrie bag and baggage too?
Two. Quarter-day? I, and quartering day, I feare etc.

Г. Лихачевъ переводитъ эту игру словъ слѣдующимъ образомъ:

1 фр. Иль нынче день завѣтный—
Изъ дома въ домъ обычный переѣздъ?
2 фр. Да, переѣздъ! Боюсь, не переѣлъ бы
Насъ лютый Эдуардъ, какъ волкъ барановъ.

Это отклоненіе самое крупное изъ всѣхъ, какія дозволилъ себѣ г. Лихачевъ. Оно не служитъ въ ущербъ переводу, но наглядно свидѣтельствуетъ, съ какой добросовѣстностью переводчикъ относился къ своей работѣ.

А. Гиляровъ.

IV.

Е. Милицына. Разсказы. I. 1905. Москва.

«Деревенскія картинки», съ которыми выступила новая писательница въ «Русской Мысли», сразу заинтересовываютъ своею живою реальностью: пусть въ нихъ мы встрѣчаемъ зачастую и общій прикрашенный колоритъ, и нѣсколько слащавый тонъ всѣхъ народныхъ разсказовъ, сбивающихся на этнографическую рисовку, все же здѣсь мы находимъ любовное, внимательное погруженіе въ разные виды затянутаго, безнадежнаго горя русской народной жизни. Правда, при всемъ искреннемъ желаніи автора, не только близко знакомаго съ этою жизнью, но, видимо, съ нею сжившагося, все это разнообразіе сводится къ такимъ типичнымъ, даже банальнымъ формамъ, которыя, почти опостыли въ нашей литературѣ. Ни искреннее чувство автора, ни его серьезное отношеніе къ явленіямъ народной жизни не спасаютъ отъ безплодной сантиментальности, отъ унынія жестокой канители, отъ напряженнаго и слабаго лиризма. Слогъ разсказовъ простъ, безъ прикрасъ, мѣстами живъ и народенъ, но самыя темы стары и безнадежно нудны. Очевидно, очерки народной жизни у насъ доселѣ стоятъ на уровнѣ внѣшне-типичныхъ, декоративныхъ (или этнографическихъ) картинокъ, и еще никому не удалось представить въ новѣйшей русской литературѣ новыхъ, глубокихъ по рисовкѣ интимныхъ сторонъ народной жизни, художественныхъ опытовъ. Въ разсказахъ Милицыной мы встрѣчаемъ, однако, рядъ попытокъ заглянуть въ эти интимныя сто-

роны народной души, но литературныя руководства, русскія и западныя, съ помощью которыхъ авторъ пытается раскрывать эти внутреннія стороны душевной жизни, построены въ интеллигентныхъ сферахъ, и всѣ размышленія ослѣпшаго мужика, дѣвочки лѣсника, мечты молодой бабы кажутся намъ искусственными. Еще слабѣе по содержанію очерки жизни уѣзднаго захолустья: здѣсь въ разсказахъ Милицыной выступаетъ обычная фельетонная манера со всѣми ея недостатками: преувеличеніями, банальными обобщеніями. Самый слогъ страдаетъ обычными пріемами фельетоновъ: *обыватель спитъ, чиновникъ пьетъ и играетъ въ карты* и т. п.

Тѣмъ не менѣе, разсказы г-жи Милицыной, не выдаваясь особенно блестящими сторонами художественности, производятъ пріятное впечатлѣніе своею простотою, искренностью и свѣжестью искренняго чувства, которое выступаетъ всюду, гдѣ нѣтъ условной сантиментальности, нервнаго надрыва и другихъ пріемовъ новѣйшей литературы.

Въ виду этого было бы вполнѣ справедливымъ удостоить книгу разсказовъ Милицыной почетнаго отзыва Академіи.

Н. Кондаковъ.